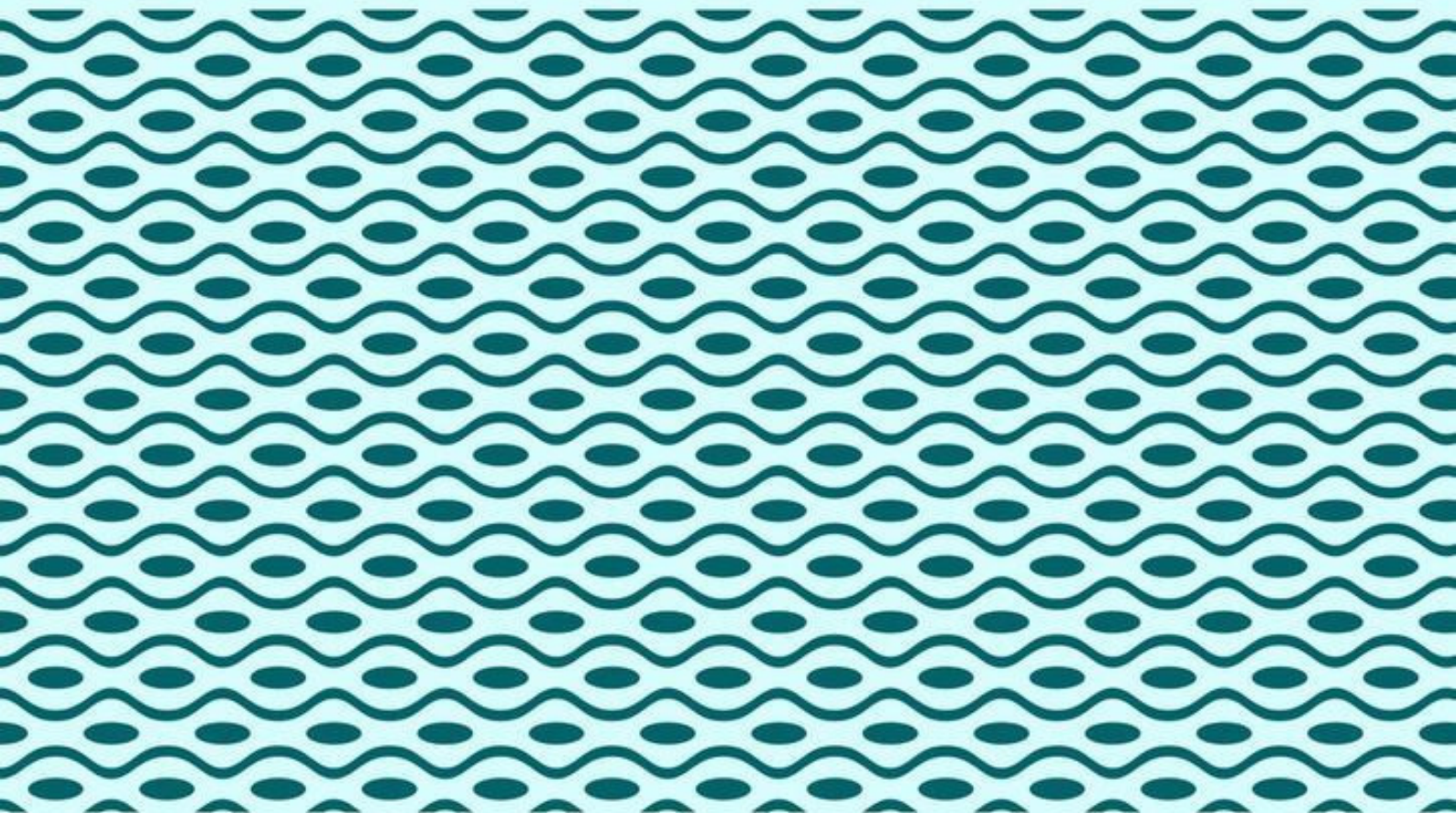

18+

ЛИСА-6

Роман Голев

ЛИСА-6

«Издательские решения»

Голев Р.

ЛИсА-6 / Р. Голев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512889-8

В сборник вошли рассказы, созданные слушателями литературного практикума «ЛИсА». Впервые он проходил онлайн, и результаты обнадеживают. Все тексты публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-00-512889-8

© Голев Р.
© Издательские решения

Содержание

Роман Голев	6
Алексей Грабовский	12
Вступление. Дегустация	12
Запись первая	13
Запись вторая	15
Запись третья	17
Запись четвёртая	19
Запись пятая	21
Запись шестая	23
Запись седьмая	24
Запись восьмая	26
Запись девятая	28
Запись десятая	30
Запись одиннадцатая	32
Запись двенадцатая	33
Эпилог. Можно не читать, если хотите, чтобы история закончилась выше	36
Настя Дорожкина	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

ЛИСА-6

Авторы: Голев Роман, Грабовский Алексей, Дорожкина Настя, Ёлкина Яна, Иванова Софа, Иванова София, Лилеева Маша, Марач Иван, Клещенко Ольга, Мурашко Юлия, Некрасова Мария, Тимофеева Эвелина

Андрей Жвалевский *Составитель*

Евгения Пастернак *Составитель*

© Роман Голев, 2020

© Алексей Грабовский, 2020

© Настя Дорожкина, 2020

© Яна Ёлкина, 2020

© Софа Иванова, 2020

© София Иванова, 2020

© Маша Лилеева, 2020

© Иван Марач, 2020

© Ольга Клещенко, 2020

© Юлия Мурашко, 2020

© Мария Некрасова, 2020

© Эвелина Тимофеева, 2020

ISBN 978-5-0051-2889-8 (т. 6)

ISBN 978-5-0051-2890-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман Голев Жизнь или рабство

Солнечным, ясным утром я сидел на своем любимом месте – на верхушке старой, полуразрушенной башни. Отсюда открывался прекрасный вид на город. В порту причалила трирема, и с башни я наблюдал, как ее разгружают. Интересно, что же там привезли на этот раз? Может, пряности? Или дорогие ткани и полотна? Завтра надо сходить и посмотреть. В паре домов от меня находилась пекарня, и оттуда ощущался утренний аромат корицы. Хозяйкой пекарни была подруга семьи. Каждый день мы заходили к ней и брали свежую выпечку. Неподалеку слышались крики с рыночной площади. Наверное, торговцы спорили, у кого товар лучше. И тут я увидел, как по крышам бежит мальчишка где-то моего возраста. Удирал он от толпы солдат. Большинство бежали, расталкивая людей, а некоторые бежали по крышам. Мне стало очень интересно, я быстро слез с башни и побежал за солдатами...

Я начал уставать и уже отстал, как вдруг в толпе заметил догоняющих. Я сразу нашел в себе силы бежать дальше. Я уже чувствовал, что вот-вот настигну этого мальчишка, но стоило ему спрыгнуть с крыши и завернуть за угол, как я его потерял. Только я собирался уйти, как кто-то надел мне на голову мешок и ударил по голове тупым тяжелым предметом.

Очнувшись в сыром помещении. Передо мной стоял тот самый мальчишка. В глазах было еще мутновато из-за сильного удара по голове. И все же я смог разглядеть комнату, а по самодельной кровати и костру в центре я понял, что нахожусь в убежище незнакомца.

Тогда я поговорил с похитителем. Оказывается, он принял меня за грабителя. Я рассказал, что меня зовут Адриан и что я обычный дворовый мальчишка. Незнакомца звали Дарий. Дарий лишился семьи и теперь выживает на улице. Тогда мы договорились, что я помогаю Дарию выжить, а он разрешает мне время от времени заглядывать к нему в убежище и использовать его как свое. Уже вечерело, и мне надо было спешить домой...

На следующее утро я проснулся и хотел было идти в убежище, чтобы встретиться с Дарием, но, спустившись на первый этаж, увидел солдат. Я сразу насторожился, однако, не придав этому особого значения, побежал на место встречи, по дороге зайдя в пекарню за булочками. Шел сильный дождь, и поэтому было не совсем приятно находиться на улице. Прошло уже несколько часов, однако Дарий все не приходил. Я вышел на улицу и заметил, что на главной площади казнь. Я побежал туда, чтобы убедиться, что Дарию ничего не угрожает, по дороге я услышал, как люди говорят о новом сыне императора Нерона. Я был удивлен, ведь у императора никогда не было жен, а с улицы он никого не брал.

Нерон очень любил казни – это было его развлечение. Я бы ушел как можно скорее, но увидел своих родителей. Они стояли на помосте. Теперь я понял, зачем к нам в дом приходили солдаты. Что произошло дальше, я плохо помню, так как очнулся на следующее утро дома. Родителей не было. Я вспомнил, что родителей казнили, и меня заполнила жажда мести. Чуть позже я зашел в пекарню, где узнал, что Дария чуть не сбила лошадь Нерона. Но что-то император увидел в нем, что напомнило ему себя в детстве. Тогда Нерон решил усыновить Дария.

Я не мог оставаться в Риме. Здесь было неуютно с тех пор, как родителей не стало. Поэтому я собрал вещи, напоследок зашел в пекарню, а ночью пробрался в порт. Обойдя нескольких солдат, я стал искать корабль, который вывезет меня из города. Так как денег у меня не было, я мог лишь тайком пробраться на борт и рассчитывать, что останусь незамеченным. И тут я увидел корабль, который, похоже, собирался отчаливать, и залез на него. В трюме я нашел место, где быстро заснул.

Спал я недолго, меня разбудили хозяева корабля и кинули в клетку. Корабль пошатывало. Наверху дул сильный ветер. Именно так я понял, что нахожусь в открытом море. Первым, кого я увидел в трюме, был человек, по виду напоминавший торговца. На нем была тканевая накидка с капюшоном. На ногах и руках железные доспехи для защиты. На лице много шрамов, некоторые были совсем свежие. В ножнах два меча. Это капитан. Из трюма я видел черный, с зеленым гербом меча в черепе, флаг. Сопоставив вид капитана и флаг, я понял, где нахожусь. Грабители уже давно промышляли в Средиземном море, но я не думал, что они осмелятся войти в римский порт.

Капитана сменил охранник, когда я заметил, что руки у меня связаны. А в клетке не было ничего. Но тут на расстоянии вытянутой руки я увидел толстую палку. Недолго думая, я подобрал ее и вспомнил, что отец однажды научил меня выпутываться из подобных ситуаций. Он был моряком и пару раз попадал в плен. Мне пришлось сильно попотеть, потому что детям грабители всегда очень сильно связывали руки. Все потому, что дети более изворотливы, нежели взрослые. Однако спустя несколько часов я был свободен. Дальше надо было как-то выбраться и вырубить охранника. Я стал осматривать клетку, в которой нахожусь, и заметил, что дверь можно снять с петель. Но что использовать как рычаг? Тут-то мне и пригодилась палка. Но охранник может проснуться и поднять тревогу! Мне не хотелось его будить, поэтому, как только я выбрался наружу, пришлось поднапрячься, чтобы не уронить дверь. Осталось понять, чем я смогу нейтрализовать сторожа. Ничего не найдя, я связал спящего и забрал у него клинок. Оставалось придумать, как же спастись с корабля.

Долго ждать не пришлось. На палубе я услышал крики людей и звон мечей. «На корабль напали!» – подумал я. Слегка выглянув из трюма, я увидел бравших нас на бордаж. Одежда у них была очень необычная. Команда напавших не была похожа ни на варваров, ни на пиратов, ни на кого бы то ни было еще. Уже через несколько минут нападавшие одержали победу. Все было усеяно трупами.

Я уже хотел вернуться в клетку, чтобы не привлекать внимания. Но сзади ко мне подошел один из напавших и ткнул меня копьем в спину. Как же хорошо, что это была его тупая сторона, но боль я все же ощутил. Поняв, что бежать мне некуда, я подчинился требованиям и пошел к главарю. Команда все никак не могла решить, как со мной быть. Большая часть людей говорила, что от меня надо избавиться, потому что вдруг я шпион. Я хотел уже прощаться с жизнью, но тут из укрытия на главаря банды побежал последний выживший пират. Внезапно в голове как по щелчку пальцев у меня сработала реакция. Я выхватил клинок, который забрал у охранника, и метнул его в голову грабителя. Я попал грабителю в шею, он упал на палубу и истек кровью. Все находившиеся на борту были поражены. А когда незнакомцы нашли в трюме связанного мной пирата, то поняли, что я не враг. По выражению на лице капитана я сразу понял, что с жизнью прощаться еще слишком рано.

– Пойдешь ко мне в команду? – спросил капитан.

Я без промедлений согласился. И уже стоя рядом с незнакомцем-спасителем у штурвала, я спросил, как его зовут, на что он мне ответил:

– Меня зовут Родриго. Я главарь повстанцев, воюющих с Римской империей за демократию.

– А куда мы плывем? – спросил я.

– Мы направляемся на Крит. Там находится наша база. Оттуда мы планируем все нападения и захваты. Почему Крит? Все просто. У острова очень удобное географическое местоположение. И римские солдаты всегда хотели его захватить. И им это удалось. Теперь мы очищаем Крит от римских войск. Но когда на остров прибывают новые войска, мы стараемся узнать о их лагере. Ведь если мы не остановим римлян как можно раньше, они будут возводить крепости, в которые пробраться еще сложнее, чем в лагерь.

Ночью мне снился страшный сон, как Дарий убивает меня на глазах у родителей, а потом и их. Из-за этого сна я несколько раз просыпался. Но вера в свои силы помогала мне засыпать снова.

На следующее утро Родриго разбудил меня очень рано. Выйдя на палубу, я был изумлен восходящим перед нами солнцем. Оно было таким ярким. Из-за света на солнце было трудно смотреть, но я все равно видел, как оно переливается всеми оттенками красного и оранжевого. Я бы и дальше восхищался этим зрелищем, но меня прервал Родриго. Поднявшись к штурвалу, он предложил мне попрактиковаться в бое на мечах. За всю жизнь мне довелось подержать оружие в руках всего один раз, а сейчас меня еще и учат им пользоваться! Это, несомненно, был самый лучший день в моей жизни. Оказывается, бой – это целое искусство. Спустя несколько часов занятия я немного освоил колющие удары, а также несколько защитных приемов. Руки и ноги у меня болели. Ведь надо и тренировать удары, и пытаться не упасть. За весь день я также научился вязать некоторые узлы, ловить рыбу и стрелять из лука. Я и не знал, что повстанцы или, как их в Риме называли – «отбросы», могут быть столь гостеприимны и талантливы.

К вечеру мы вошли в гавань на восточной стороне острова. Сложно сказать, что это было тихое место, ведь я увидел отнюдь не небольшой лагерь с парой десятков солдат. Здесь была настоящая крепость. Стены невысокие, хоть и каменные. Повстанцев около нескольких тысяч. В небольшом порту пять октарем и шесть трирем. Войдя в крепость, я видел лекарей, поваров, кузнецов, фермеров и людей других специальностей. На каждом человеке была своеобразная одежда, которая соответствовала его профессии. Чуть дальше виднелись весьма небольшие хижины.

Поначалу, на ужине, я чувствовал себя белой вороной, ведь все вокруг меня общались и веселились. Мой отец не раз плавал в Грецию торговать на рынках, а он научил меня говорить по-гречески.

Я сидел рядом с Родриго и слышал, как он рассказывает о нашей с ним встрече. И о том, как я его спас. Многие смотрели на меня с уважением. Еще должен признать, что повара у повстанцев очень талантливы. Тунец был похож на тот, который мне готовила мама. Я вспомнил родителей, и снова нахлынули воспоминания. Поэтому, поужинав, я решил уединиться на одном из причалов. Море всегда меня успокаивало. Но мое одиночество прервал Родриго.

– На ужине я заметил, как тебе стало грустно. Не хочешь поделиться? – спросил Родриго спокойным голосом. – В этой крепости, мы все – одна семья. Разве только очень большая. И все проблемы друг друга мы решаем и переживаем вместе. Поэтому если захочешь рассказать мне, что тебя гложет, мы придумаем выход.

Тут я не выдержал и все ему рассказал. Рассказал про Нерона, который казнил моих родителей. Рассказал про Дария, которого усыновил император. И рассказал, как попал в плен к грабителям. На что Родриго ответил:

– Я тоже лишился родителей, когда был ребенком. На нашу деревню напали римские войска и сожгли все дотла. А на месте деревни теперь стоит город. Оставшимся, коих было немного, пришлось выживать. Это и сподвигло меня стать повстанцем...

*

Шли годы. Я вырос. Недавно мне исполнилось 17 лет. Я набирался опыта в военной деятельности, а также и в бытовой. Однажды на рыбалке я поймал двух акул. А под руководством кузнеца выковал себе нагрудник и меч. Мы потопили одну из многих октарем римской империи. В нападении уже участвовал и я. Родриго брал меня во многие сражения, и я стал ему как сын, которого у него никогда не было.

Однажды мы вернулись вечером с очередной охоты, и только я хотел отдохнуть, как к Родриго подбежал разведчик:

– Капитан, у меня тревожные вести. Наш связной из города доложил, что сегодня ночью неподалеку от нас высадятся римские войска. Только хочу вас предупредить, их будет намного больше, чем раньше. Видимо, кто-то им рассказал, что наша база находится на Крите.

– Что ж, тогда не будем терять времени. Собирайте всех. Адриан, пошли со мной.

Когда заседание началось, Родриго развернул перед всеми нами карту лагеря высадившихся римлян, которую для нас составили разведчики.

– Друзья. Перед вами лежит карта лагеря, на который мы нападём завтра ночью. Как видите, форт очень хорошо охраняется со всех сторон. Так что надо будет снять стрелков. Но это не все. Каждый час стрелки меняются. Поэтому надо будет убивать каждого, кто залезет на башню. В форте около десяти, а может пятнадцати тысяч солдат. Это очень много, поэтому нельзя нападать с одной стороны. Тогда у них будет шанс сгруппироваться и подготовиться к бою. Поэтому часть зайдет с юга и севера, а остальные через главные ворота. Большую часть сил надо бросить на борьбу с солдатами. А я и Адриан займемся легатом. Он очень силен и одному человеку его не одолеть. Также надо будет перекинуть факел через стену, прямо на палатки с луками и стрелами. Так нас не смогут убить на расстоянии. А теперь идите спать и набирайтесь сил перед завтрашней битвой.

Весь следующий день я наблюдал, как все готовятся. Я же отрабатывал ведение боя вместе с некоторыми повстанцами. И вот наступила та самая ночь. Ночь, когда мы нападём на лагерь и на шаг приблизимся к победе.

*

Огонь... Пепел... Холодные, неподвижные тела как повстанцев, так и римлян. Я добираю очередного солдата и вижу: Родриго сильно ранен и дерется один на один с легатом. Я должен ему помочь! Но тут я увидел заложницу, на которую вот-вот упадет горящая башня. Она в клетке и не может выбраться. Решив, что успею все, я быстро подбежал к клетке, освободил заложницу и приказал ей ждать у ворот. Дальше Родриго. Я видел, как он почти выдохся и близок к проигрышу. Тогда я подбежал к уже замахнувшемуся легату и вонзил в него меч. Оставшиеся солдаты разбежались. А кто-то примкнул к нам. Победа? Мы только стали праздновать, как в Родриго вонзилась стрела. На холме стоял последний выживший с луком в руке. Он был в капюшоне, и не было видно его лица. Он уже хотел убежать, но выпущенная нами стрела попала ему в правое плечо. После чего он прокричал нам что-то на кельтском и скрылся в ночной мгле. Его голос чем-то был похож на голос Дария. Но Дарий не рассказывал мне, что знает кельтский, поэтому я выбросил эту догадку из головы.

Утром мы похоронили Родриго на Цветочном холме. Здесь были все погибшие во всех битвах. Я целый день просидел у их могил. На столе у меня в хижине лежал свиток:

«Дорогой Адриан. Ты стал мне как сын. За все эти годы, проведенные с тобой, я понял, что мир не делится только на плохих, хороших и других. Я думаю, что до конца битвы мне не дожить. И если ты это читаешь, значит, я мертв. Легат в этом лагере – мой заклятый враг. Мы раньше были друзьями, но он решил сменить сторону, когда его взяли в плен. Я знаю, что он преодолеет все, лишь бы меня убить, поэтому буду краток. Я надеюсь, что ты продолжишь мое дело и возглавишь повстанцев. Закончи начатое и не сдавайся. Прощай, Адриан».

В тот же вечер я поговорил с заложницей:

– Спасибо, что спасли меня. Я премного благодарна. Как я теперь могу помочь вам? – спросила она.

– Не надо благодарностей. Это наш повстанческий долг. И все же помочь вы можете. Судя по найденному нами изумруду в палате легата, смею предположить, что вы грабили кого-то из приближенных императора на Крите, когда были схвачены. И наверняка вас хотели продать в рабство. Поэтому можете рассказать, где он находится, и как к нему попасть?

– Да, я – воровка. И да, я знаю, как проникнуть во дворец императора. Туда не попасть полагаясь только на военную мощь. Императора охраняют самые лучшие бойцы и самые про-

фессиональные наемники. Также от солдат я слышала, как те говорили о тайном бойце императора. Так что, если вы хотите убить Нерона, вам стоит очень хорошо подготовиться. И хочу дать вам совет. На западной стороне стены есть решетка. И если через нее пролезть, вы сможете обойти дворец сзади.

– Спасибо за информацию. Не хочешь присоединиться к нам?

– Нет. Меня ждет семья, поэтому прощайте. Может еще встретимся когда-нибудь.

Кстати, меня зовут Елизавета.

После этих слов Елизавета исчезла. Я еле успел крикнуть ей вслед свое имя. Но, наверное, она его не слышала.

Я понял, что теперь на мне лежит большая ответственность, и я не могу позволить жертвам битвы стать напрасными. Тогда я обратился ко всем повстанцам:

– Друзья! Сегодня мы потеряли близких нам людей. Кто-то лишился семьи. Но это не повод отчаиваться. Если мы хотим отомстить Нерону, нам надо собраться с духом и напасть на него. Поэтому рассказываю, что мы имеем на данный момент. Я узнал, что Нерон находится в своем дворце в центре города. Дворец хорошо охраняется, и так просто туда не попасть. Также нам надо знать расписание смены римских солдат во дворце. И еще надо знать, как мы можем туда проникнуть. Кузнецы и ткачи, нужна хорошая защита. Поэтому вам нужно сделать самые лучшие нагрудники, которые только можете. Также нужны мечи и копья. И запомните, Нерон никогда не оставит нас в покое.

С момента начала подготовки прошел месяц. Когда все было сделано, мы загрузились на корабли и отправились в Рим. Высадились мы недалеко от города. Мы сильно рисковали, ведь если бы нас заметили всех вместе, то сразу схватили бы. Поэтому мы разделились. Часть повстанцев пошла ко дворцу с южной стороны, часть с западной, а я с отрядом лучших бойцов пробирался по крышам домов. Оставшиеся зашли с другой стороны дворца, по совету заложницы. Они стояли так близко друг к другу, что мы могли перепрыгивать с крыши на крышу без всякого труда. Однако временами нам все же приходилось спускаться на землю, но тогда мы шли по переулкам. Подойдя на максимально близкое расстояние, мы сняли с башен дозорных и скинули вниз веревки, чтобы все могли забраться. Дальше мы укрылись в одной из башен и ждали сигнала. Каждого солдата, который подходил к нашему укрытию, мы убивали, а труп прятали. Западный отряд повстанцев пролез через решетку и стал обстреливать дворец горящими стрелами. Большинство солдат отвлеклось на огонь и повстанцев, которые прорвались через решетку. Но стоило нам спуститься со стены, как нас сразу же окружили. На стенах и перед дворцом были солдаты. Та заложница была права. В окруживших нас солдатах я увидел наемников и личную охрану императора. Наемников отличал цвет их одежды. В основном одежда была черная, однако у некоторых наемников она была серая. Также на левом плече у них был герб в виде зеленого цветка. А личную охрану – большие щиты, ярко-красный окрас железной брони, а также защищенность рук и ног. А прямо перед собой я увидел того самого тайного убийцу. Он был в черной одежде с капюшоном. Однако у накидки отсутствовал правый рукав. Часть руки была покрыта засохшей кровью. И тут-то я понял, что это был тот же солдат, что убил Родриго, ведь у него была рана в правом плече от стрелы. Он снял капюшон. Я был поражен и одновременно разгневан, увидев лицо убийцы. Я его не сразу узнал, но понял, что это был Дарий. Тот самый Дарий, с которым я познакомился, когда он принял меня за вора.

– Дарий, что ты тут делаешь?

– Ты разве еще не понял? Я сражаюсь за справедливость. Я думаю о будущем Римской империи.

– Ты ошибаешься. Будущее не заключается в убийстве невинных людей.

– Тебе все равно не победить. Ты лишь жалкий дворовый мальчишка.

– Дарий, что ты говоришь! Ты же сам когда-то было таким. Просто тебе повезло и тебя взял под опеку Нерон...

– Хватит молоть чепуху. Покажи, чему тебя научил Родриго. Да, я про него все знаю.

– Дарий, ты разве не видишь? Нерон затуманил твой разум. Ты не видишь его истинного лица только потому, что он тебя спас.

– Я все прекрасно вижу. Он забрал меня с улицы и показал, какой мир на самом деле. В этом мире правят сильнейшие, а слабых ждет только один удел – смерть. Нерон воюет за правое дело. А повстанцы лишь все усугубляют. Пойми наконец, ты проиграл, поэтому подчинись и склони голову перед Нероном.

– Нет, ты пойми. Нерон – вот кто настоящий враг. Он тиран, он только всех поработает. А я никогда не сдаюсь, запомни это.

Дарий вступил со мной в смертельную схватку, пока повстанцы сражались с охраной императора. Я понимал, что у меня преимущество, так как у Дария нет руки. Поэтому я побежал на стену, а оттуда запрыгнул на крышу. Отсюда открывался весьма неплохой вид на город, но сейчас нельзя было отвлекаться.

Дарий допустил ошибку, когда увернулся от летящей мимо стрелы. И в момент, когда он потерял равновесие, я скинул его с крыши на стену дворца. Я последовал за Дарием. Только я приземлился намного мягче, чем он. Со лба у него уже текла кровь. Также я думаю, что Дарий сломал себе несколько костей, пока падал.

– Тебе не победить. – выплевывая зуб, сказал Дарий. – Твоим родителям суждено было умереть. К тому же очень весело смотреть, как люди отчаянно пытаются выбраться из веревки, когда понимают, что они уже на волосок от смерти.

Тогда я замахнулся, и воспользовавшись преимуществом в силе, отрубил ему Дарию несколько пальцев. Повстанцы уже разобрались со всеми солдатами. Мы зажали Дария в угол. И только тогда я понял, что ослеплен жадной мести. Я посмотрел на Дария и не увидел в его глазах ничего кроме страха. Дарий, как и все, боялся смерти. И сейчас я понял, что он ощущает.

Я решил отпустить Дария. Он быстро поднялся на ноги и, хромая, сбежал.

Мы победили. Уже ворвавшись в тронный зал, мы заметили Нерона. Но я не смог его убить. Поэтому за меня это сделали повстанцы. Уже после смерти императора я посмотрел на его мертвое тело. С пятью воткнутыми в него стрелами.

Перед отправлением в нашу крепость на Крите я решил заглянуть в дом, в котором раньше жил. Здесь все было как раньше, и на меня нахлынули воспоминания. Я вспомнил все самые лучшие моменты, связанные с этим домом. Я вспомнил слова Дария о будущем империи. Да, надо прогрессировать, однако не забывая прошлое, а учась на его ошибках. Теперь в Риме установится новый порядок, а моя жизнь в этом будущем только начинается, и все еще впереди. Мы загрузились обратно в корабли и поплыли в сторону Крита. Наш курс был в сторону восходящего солнца.

Алексей Грабовский **Страдалец, которого жизнь не любила** **Поучительная история**

Вступление. Дегустация

– Ром! Помоги! – крикнул Джек.

За его словами тотчас последовало падение лестницы. Прибежавший на крики Роман застал горе-сборщика скорчившимся на земле. Джек стонал:

– Ой, больно! Как больно! Что же меня жизнь так не любит?!

– Вставай, горемыка, – улыбнулся Роман и подал Джеку руку, – помогу тебе яблоч собрать.

Джек поднялся на ноги и отошёл в сторонку, скромно наблюдая за Романом.

– Эх, инвалид, – говорил Роман, поднимаясь по лестнице, – действительно, жизнь тебя совсем не любит. Ты не то что дом построить – даже яблоч нарвать себе не можешь. И за что нам такое недоразумение?

Джек шмыгнув носом и страдальчески взглянул на Романа. Тому стало стыдно.

– Прости. Не хотел тебя обидеть.

– Не хотел, а получилось, – буркнул Джек и отвернулся.

Роман сорвал несколько яблоч и спустился.

– На, держи, – сказал он.

Получив фрукты, Джек заковылял по дороге.

– Подожди, – окликнул его Роман, – может, помочь?

– Нет, ты и так уже много сделал для меня, – ответил Джек и скрылся за поворотом.

Отойдя от парка, Джек припустил бегом. Он бежал по подворотням, пугая грязных котов и перепрыгивая через лужи. Можно было пойти по обычной улице, но тогда идти бы пришлось, скорчившись от боли. И уж ни в коем случае не бежать. Здоровое тело могло разрушить образ страдальца. Особенно такого, каким работал Джек. Профессионального страдальца.

Профессиональный страдалец – очень удобная профессия. Чтобы быть профстрадальцем, необязательно иметь какое-либо образование. В большинстве случаев не нужны даже актёрские навыки. Для успеха нужно всего-то найти доверчивых и сострадательных людей. Согласен, в нашем мире это иногда редкость. Но Джеку очень повезло. Он жил как раз в нужном городе. В городе Y.

Вероятно, вы бы хотели знать, как Джек вышел на такую жилу. Однако я не могу этого сказать по понятным причинам. Скажу только, что Джек числился профстрадальцем уже несколько лет. За это время у него скопилось несколько вещей – дом средних размеров, постоянная поставка пищи и других приятных штук, слава городского инвалида и статус «безработный» в трудовой книжке. Первые две вещи Джека радовали, к третьей он относился, как к возрасту, а последнюю предпочитал не видеть. Для этого он забросил трудовую книжку под комод.

Подворотня привела Джека к дому. Раньше Джек жил в жалком подобии хижины. Затем ему надоело это, и он начал страдать. Страдание помогло. Жители сжалились. Для приличия ойкая, Джек поднялся по ступенькам и открыл дверь. Настроение у него было просто отличное – на столе ждал великолепный обед (несварение от похода в ресторан), в шкафу висел новый смокинг (замечание городского хулигана о плохом внешнем виде), а через два часа был запланирован вывих ноги.

Запись первая

Ровно через два часа Джек вышел на площадь. Для спектакля – а именно этим и являлся «вывих» – было готово всё. Актёр был в прекрасной страдальческой форме. Зрители неторопливо прогуливались по площади.

– Ай! – взвизгнул Джек, в «страшных мучениях» падая на землю. – Помогите!

Все, кто был на площади, обернулись к пострадавшему.

– Что? Что случилось? – раздались голоса.

– Неужели опять? – прозвучал недовольный выкрик.

– Да, опять! – ответил страдалец недовольному зрителю. – Кажется, у меня вывих! Ой-ой, как, как больно!

– Доктора!

– Где доктор?

– Нет доктора!

– А куда делся доктор?

– Доктор уехал, – простонал Джек, – он в соседнем городе! Скорей, скорей помогите!

Умираю...

С этими словами страдалец уронил голову на землю. Испуганные жители начали переглядываться.

– Джек чудак, – шептались они, – но такого с ним ещё не бывало!

– И, как назло, доктора нет!

– А что же делать?

– Как что делать? – возопил Джек, «очнувшись», – как что делать? И они ещё спрашивают! Лечить!

– Но мы не доктора!

– Тогда возьмём количеством!

– Все сюда!

В мгновение ока к Джеку подбежало десять человек. Кое-как договорившись, они начали оказывать медицинскую помощь. Среди этих волонтеров был один зевака по кличке Любознайкин. Сам он ничего делать не умел, подобно Джеку, однако с удовольствием всем давал советы.

– Расти-и-и-рай! – командовал Любознайкин. – Массаж сердца!

– А зачем? – спрашивали горожане поумнее. – У него же вывих!

– Неважно! – качал головой Любознайкин, – Я сам видел, как доктор делал так! Вы будете спорить с доктором?

С грехом на две трети жители водрузили Джека на носилки и понесли к дому. По пути на окраину к ним присоединилось ещё трое. Бригада заволокла «больного» на кровать и оставила под пристальным наблюдением Любознайкина и его помощников. Хотели связаться с доктором, но Джек воспротивился этому:

– Не надо отвлекать доктора! Ни в коем случае. У него полно дел в соседнем городе. Я потерплю...

– Какой герой, – переговаривались горожане, – такой ужасный вывих – и терпит! Я бы на его месте уже сознание потеряла...

– Как он там? Надо бы принести ему гостинцев, бедному.

– Да, Любознайкин утверждает, что провизией надо помочь. Больному необходимы свежие овощи!

За этим спектаклем с изумлением наблюдала Маша. Кто такая Маша? Да, в сущности, никто. Просто приезжая девушка.

«Удивительно, – думала Маша, не заставшая начало „спектакля“, – что же это за невероятная болезнь? Одного спросишь, говорит – остеохондроз. Второй – искривление восемнадцатой извилины головного мозга. Третий – рак пятки. Но где же это видано, чтобы болезнь лечили тринадцать человек? Даже если нет доктора? Интересно. Надо выяснить».

И Маша решила отправиться к Джеку. Однако к больному её не пустили:

– Не положено, – сказал рослый горожанин, – больному нужен покой.

– Но мне всего лишь спросить! – упорствовала Маша. – Это не займёт много времени, уверяю вас!

– Все так говорят.

Так ничего и не добившись, Маша решила пробраться в дом Джека ночью. Нет-нет, она его не потревожит. Ни в коем случае. У Маши у самой больной бабушка, и она знает, как необходим покой. Но вдруг Джек в сознании? Тогда он сможет поговорить. Маша же не просто из пустого любопытства. У неё к этому медицинский интерес, она идёт учиться на врача. Надо набираться опыта общения с больными.

Как только на город Y опустилась ночь, Маша неслышно подобралась к дому. На первом этаже было темно, как в шахте. На втором горел свет. Видимо, именно там и обитал хозяин. Маша бросила взгляд на охранника. Тот стоял возле двери, сжимая в руках ружьё, заряженное солью.

«Нет, – подумала Маша, – так дело не пойдёт. Я же не ниндзя. Нечего и думать проскользнуть в дверь. Но способ попасть в дом должен быть...»

Способ действительно был. После обхода дома обнаружилась лестница, прислонённая к стене. Девушка вспомнила, что вчера Джек просил одного из сочувствующих прочистить печную трубу:

«Отлично. Теперь можно будет проникнуть в дом через слуховое окно».

Стараясь ступать потише, Маша поднялась по лестнице и попала на чердак дома. Там её ждало разочарование. Дверь, ведущая в жилую часть дома, была закрыта. Девушка в раздумьях присела на пол. Через просветы между досками была видна комната, находящаяся под чердаком. Она была ярко освещена и не походила на лазарет. Взгляд Маши скользил по коробкам и сумкам, набитым свежими продуктами, по различным книгам и прочим предметам развлечения, но нигде не находил больничных принадлежностей, окровавленных повязок, лекарств и ещё чего-то, имеющего отношение к тяжёлой болезни.

«Что? – пронеслось в голове Маши. – А...»

Но «А...» помешали твёрдые шаги. Дверь с другой стороны комнаты открылась, и на «склад» вошёл хозяин дома, совершенно здоровый и нисколько не скрывающий этого. Джек широко улыбался, настроение у него было отличное. Он и не подозревал, что отличное оно у него было в последний раз в жизни...

Запись вторая

На следующий день солнце в городе У встало раньше обычного. На этот факт никто из жителей не обратил внимания. А жаль, ведь ранний восход солнца был вестником значительных перемен. Тем же вечером, когда горожане начали понемногу стекаться на площадь, они заметили у фонтана фигуру с полицейским мегафоном. Это была Маша.

– Добрый вечер! – сказала она в мегафон.

В толпе сразу же раздался шёпот:

– Что?

– Кто это?

– Сейчас начнётся!

Сквозь толпу протиснулся Любознайкин:

– Я знаю, кто это! – закричал он. – Это троюродная дочь министра обороны! Из нашего города хотят сделать концлагерь!

– Ложь! – заявила Маша. – Никакая не троюродная дочь! По крайней мере, об этом не знаю. Итак, сейчас я объясню, зачем я явилась на площадь!

– Супер! – раздалось в толпе.

– С этого и надо было начинать!

– А то заладили: концлагерь, концлагерь...

Маша вздохнула и попыталась сосредоточиться. Никогда прежде ей не приходилось убеждать реальную, живую толпу. На ораторских курсах всё совсем по-другому. Но надо, значит надо. Неожиданно для самой себя Маша вскочила на запаркованную поблизости полицейскую машину. Граждане в испуге попятились, по их рядам вновь пробежал шёпот.

– Не бойтесь! – возвестила Маша.

Горожане начали пятиться. Маша решила, что это повод снизить обороты:

– Да говорю же я, народ, не бойтесь. Я не кусаюсь, не царапаюсь и не палю из пистолетов. Я только хочу рассказать вам историю.

«Ух, кажется, успокоились. Снова шепчутся, ну да ладно. Вперёд».

– Значит так, – уверенно начала Маша, – в одном городе, под названием город У, жили очень доверчивые и добрые граждане. Всё бы ничего, но однажды среди этих граждан завёлся вредитель. Паразит. На самом деле он был абсолютно здоров, но притворялся инвалидом. Специально. Чтобы жители города делали всё за него. Но вот однажды в город У приехала девушка и узнала, что происходит на самом деле. Она рассказала об этом горожанам. Те изловили паразита и отправили его на работы. Ну как, классная история? – с лёгкой усмешкой закончила девушка.

– Зачёт! – крикнул Любознайкин, но горожане были другого мнения:

– Пойдите!

– На что вы намекаете?

– Где министр?

– Стоп! – заорала Маша в мегафон. – Стоп! Вы не поняли сути истории. Город У – это ваш город, я – приезжая девушка, а паразит – Джек!

Это заявление вызвало у толпы бурю возмущения. Отовсюду доносились возгласы: «Вы лжётё», «Он инвалид», «Он честный», «Да как вы смеете?», «Верните министра» и так далее и тому подобное. Возгласы сливались в один грозный гул, и толпа постепенно начала подступать к полицейской машине.

«Так, – осторожно подумала Маша, – эта толпа уже начинает меня утомлять. И самую малость пугать».

– Одумайтесь! – предприняла она ещё одну попытку. – Разве вы не видите? Он же реально живёт за ваш счёт! Где вы ещё видели человека, который вообще ничего не может сделать? Джек здоровый, у него на месте и руки, и ноги!

Толпа не хотела слушать, и Маше пришлось выложить последний козырь:

– Знаете что? Я звонила вашему доктору, и он сказал, что Джек ни разу не был у него!

Толпа затихла. Это был веский аргумент. Никто никогда не видел Джека у доктора. Это вчерашнее совпадение и так казалось всем довольно странным. Героизм тоже.

– А ещё доказательства есть? – крикнул Любознайкин.

– Извольте, – легко согласилась Маша. Она начала входить во вкус. – Джек живёт на окраине, однако каждый день бывает в городе. И это при отсутствии в вашем городе вменяемого транспорта. Это значит, что у него где-то есть велосипед. Ну или он неплохой бегун. Короче, мне кажется, что я убедительно вам доказала, что он не инвалид.

Толпа неуверенно зашушукалась. Но противный Любознайкин не собирался сдавать своих позиций:

– Допустим, что он не инвалид! Но всё равно человек неумелый и слабый!

– Очень может быть. И именно поэтому его и надо отправить на принудительные работы. Хотя бы на месяц. Чтобы научить работать.

– Это жестоко! – возопил Любознайкин.

– Зато – по справедливости, – парировала Маша, – и вообще, он что, тебя подкупил?

Зевака отшатнулся от Маши в театральном ужасе:

– Что? Меня? Подкупил? Да никогда! Я же честнейший из неподкупнейших! Слушайте, люди, – предложил он, обернувшись к толпе, – а давайте её саму на принудительные работы? Раскомандовалась тут!

Но жители города уже не слушали Любознайкина. Они поверили Маше и готовы были ей внимать. Маша поняла, что момент настал.

– Друзья! – пафосно обратилась она к горожанам. – Я рада, что вы уделили моей речи внимание. Я в этом городе довольно надолго. И я думаю, что вместе нам предстоит многое изменить. Разумеется, к лучшему. У меня есть пара любопытных проектов. Как насчёт постройки трамвая?

– Да, конечно! – закричали горожане, никогда не ездившие на трамваях.

– Отлично! – продолжила Маша. – Тогда начнём с очищения города от паразитов! То есть от Джека. Поверьте, мне самой не хочется прибегать к таким радикальным мерам, как общественные работы, но...

– Да нормально! – раздалась возгласы в толпе.

– Так и надо! Давайте ещё Любознайкина!

– А где он, кстати? Вроде же тут был, а сейчас уже нет...

Зеваку принялись искать, но его нигде не было. Почуввав, что пахнет тушеным, он тихонько выскользнул из толпы и скрылся в неизвестном направлении.

– Ладно, – сказала Маша, – этого типа мы ещё поймаем. Теперь – за Джеком, срочно, пока его не предупредили!

Запись третья

– Эй! Вы-пу-сти-те меня от-сю-да!

За дверью не откликнулись. Джек в отчаянии замолотил в неё ещё сильнее.

– Ну, откройте! Ну, пожалуйста!

За дверью не откликнулись.

– Вы же такие добрые, вы же не заставите меня страдать здесь одного!

За дверью не откликнулись.

– Ах, – вскричал Джек, падая на спину, – умираю! Задыхаюсь! Мне не хватает воздуха!

У меня аллергия на пыль!

За дверью не откликнулись.

«Вы что, издеваетесь, – подумал Джек злобно, – открывайте сию же секунду».

Дверь не открыли. Тогда заключённый опустился на старое кресло, из которого торчали пружины. От жалости к самому себе ему хотелось плакать.

Несколько лет безбедного существования, блестящая карьера профессионального страдальца, вес в обществе... всё, всё, что было нажито непосильным трудом, вымолено этим языком, выгрызено этими зубами и вываляно на земле, исчезло вчера вечером. Он лежал на диване, никого не трогал, пил яблочный сок. Тут заявляется к нему дивизия пустозвонов, недостойных даже целовать ему руки, хватает и ведёт куда-то! Говорит, мол, ты паразит, Джек, тебя надо очистить. Потом заявила девчонка, вроде главная. Умная, но тупая. Если была бы просто умная, то не стала бы учиться на медика, а присоединилась бы к нему, Джеку. Короче, она его обследовала и сказала: «Ты не инвалид, иди работай. Не умеешь – научим, не хочешь – заставим, а будешь спорить – по морде дадим». И как она только узнала его секрет? Неужто сама додумалась? Нет. Джек припоминал, что вчера слышал на чердаке какой-то шелест, пока разбирал трофеи и любовался ими. Эх, жаль, что не поднялся и не прищучил эту наглую писклю!

Воспоминание о «пискле» заставило Джека скрипнуть зубами. Впрочем, это не остановило поток мыслей. Сегодня утром его подняли ни свет ни заря, в спину притолкали на площадь и дали какой-то странный предмет, палку со щетиной. Сказали, что его задание – убирать этим мусор с улиц. Нет, ну что за бред! Пускай мусор убирает тот, кому за это платят. В любом случае, Джек этим заниматься не станет. Слишком скучно. Так что о побеге с места принуждения профстрадалец не жалел. Жалел о том, что его поймали.

Воспоминание о побеге, продолжавшемся минут двадцать, заставило Джека чихнуть. Или виной этому была чердачная пыль, на которую у благородного горожанина и правда была аллергия. Эх, и всё-таки Любознайкин сволочь! Джек всегда это знал, иначе бы и не выбрал зеваку себе в помощники. Но то, что он вытворил вчера, переходило все границы и сжигало все мосты. Бросить Джека, одного, на произвол судьбы! А сам сбежал. Горожане рассказали. Сидит, небось, сейчас где-нибудь в укромном месте. Вот ведь гад!

Воспоминание о гаде взбесило Джека окончательно. Он вскочил. Кресло жалобно звякнуло пружинами.

– Эй вы! – зарычал Джек, подскочив к двери. – Открывайте! А не то я сотру вас всех в порошок! Уничтожу! Позвоню в правоохранительные органы! У меня есть друг в правительстве! Он жёсть какой злой! За меня – в огонь и воду! И в железные трубы! И вообще всюду!

За дверью снова не ответили. Зато сама дверь ухмыльнулась бы, если бы умела. Джек продолжил тираду:

– Вы не имеете никакого права удерживать меня здесь! Я не совершил ничего противозаконного! Я чту... этот... как его... Кодекс! Я его ещё в детстве наизусть выучил! В шесть лет! Так что выпустите!

Джек перевёл дух. Нет, эти ребята определённо издеваются над ним. Он пнул старый мяч. Положение определённо было отвратительное. Быть запертым на чердаке своего собственного дома! Подумать только! И кем! Теми, кого он ещё позавчера заставлял себя буквально на руках носить!

В дополнение ко всему прочему Джек был ещё и слегка сбит с толку. Перед тем, как угрожать несуществующим другом и железными трубами, он много раз пробовал давить на жалость. Это не помогало. Его главное оружие впервые в жизни дало осечку. Как будто из него специально вынули все пули. Джек вздохнул. Хочешь не хочешь, а, походу, придётся взять в руки эту странную штуку под названием «метла».

Запись четвёртая

На утро следующего дня Джек вышел на улицу. Солнце грело, камни нагревались, и только один Джек был вынужден заниматься одним из самых скучных дел в мире. На указанном месте его уже ждала метла, его топор. А рядом с ней – палач. По крайней мере, именно таким показался принуждённому коренастый старик в пыльной спецовке.

– Давай, – подтолкнул его в спину рослый горожанин. Тот самый, кто недавно охранял его дом. – Познакомься. Это – твой надзиратель и учитель. Дворник Мурман. Относись к нему с уважением. Если это, конечно, для тебя возможно.

Охранник отошёл. Джек с Мурманом некоторое время молча глядели друг на друга.

– Ну что, – с лёгкой хрипотцой в голосе произнёс старик, – работать будем?

«Не будем» – изо всех сил подумал Джек. Но что ему оставалось делать?

– Будем, – с видом осуждённого на казнь сказал он.

– А раз будем, – усмехнулся дворник, – то вот тебе мой первый совет. Не пытайся сбежать, хорошо? Охранник всё равно поблизости.

«Гады», – подумал Джек. Но кивнул. Мурман кивнул в ответ:

– Отлично. Бери метлу в руки и работай.

Джек со стоном взял метлу в руки. И что, вот с этим ему придётся провести целый месяц?

– И что, мне с этим придётся провести целый месяц? – буркнул он.

– Не надейся, – усмехнулся Мурман, – неделю пометёшь, ещё куда-нибудь отправят. Давай, работай.

Джек начал скрести метлой по асфальту. Дворник некоторое время скептически наблюдал за ним, а потом изрёк:

– Э, так ты ничего не добьёшься. Дай метлу, покажу.

Джек с готовностью отдал метлу. Мурман сделал пару движений, а затем снова протянул «топор» принуждённому:

– Повтори.

Джек попытался воспроизвести движения учителя. Тот вздохнул:

– Да уж, неделей тут явно не обойдёшься. Давай, покажу ещё раз.

«Сгинь», – с тоской подумал Джек. Моргнул, убедился, что Мурман на месте и вздохнул ещё раз.

Для Джека начались дни каторги. Спал принуждённый по-прежнему на своём чердаке, куда перетасили пыльный матрац. Каждое утро в шесть часов рослый охранник Федот в шею выталкивал его на пыльную улицу. Там его неизменно поджидал пыльный Мурман. Всё было в пыли и грязи, и это так бесило Джека, что порой ему просто сводило руки судорогой. Старого дворника бывший профстрадалец просто возненавидел. Нет, не поймите неправильно – Джек ненавидел и Любознайкина, и Федота, и вообще всех жителей города У, включая гастролирующего доктора. Но Мурман занимал в его Ненависти особое место.

У дворника был довольно нетипичный характер. Раньше Джек таких людей не встречал. Честнейший из неподкупнейших, он не давал своему прикреплённому спуску. Все уговоры, лести и мольбы разбивались о него, как о базальтовую стену. Один раз старик не трогал Джека весь день, позволяя ему спокойно скрести метлой, а затем заставил подмести всё по новой и правильно. Джек много раз хотел что-нибудь сотворить со своим палачом, но даже не мог найти на это сил. Мурман методично выкачивал из него все соки, заменяя их навыками владения метлой.

Пожалуй, больше, чем надзирателя, Джек ненавидел только одного человека. Машу. Мало того, что пискля спалила в адском пламени его жизнь, так она ещё и решила возвести на пепелище памятник самой себе. Джек терпеть не мог новостей о её новых успехах. А их было

много: принятие в состав мэрии, выделение целой инициативной группы, народная любовь. К тому же Мурман, казалось бы, восхищался Машей. Обычно молчаливый, он всегда оживлялся, когда речь заходила о ней. Это был дополнительный повод для ненависти.

Однако надо было признать, что старый дворник был отличным учителем. После недели тяжелейших тренировок с метлой Джек стал настоящим экспертом в подметании улиц. Наставник и Федя даже в шутку называли его «Мусорным виртуозом». Не то чтобы он был благодарен Мурману, но радость от сознания завершенности целого этапа давала о себе знать:

– Прощайте! – заявил Джек старику перед тем, как в последний раз отдать ему метлу.

Оставшись один, Мурман покачал головой:

– До свидания, Джек, до свидания...

Запись пятая

– Что?! – вскричал Джек и чуть не упал в обморок.

Его только что привели на новое место работы – трамвайное депо. Да-да, Маша действительно собиралась соорудить трамвай. А раз есть принуждённый паразит, почему бы не заставить его заняться этим?

Смятение Джека было вызвано одной очень простой причиной: Мурманом. Старик, в пыльной спецовке, только другого цвета, стоял возле кузова и улыбался:

– Работать будем? – спросил он.

«Тебя здесь нет, – подумал Джек, – ты на своей пыльной улице, старый хрыч. Я буду трудиться один, в тишине и покое».

– Как? – спросил он слабым тоном.

– Вот так, – ответил Мурман, – я мастер на все руки!

«Сейчас я упаду в обморок, – подумал Джек, – сил моих больше нет».

Прошла пара минут. Джек с удивлением обнаружил, что всё ещё стоит на земле.

«Ну ладно, – решил он, – тогда не упаду. Шиш вам. Без масла. Не дождётесь».

– Отлично!

Джек подскочил к Мурману и с усилием обнял его.

– Вы просто не представляете, как приятно с вами работать!

– Да? – спросил польщённый Мурман.

– Да! – ответил Джек со всем запасом притворной радости, которым располагал.

Он сжал надзирателя так сильно, что тот наверняка бы умер, не вмешайся Федот:

– Всё, хватит обниматься, – пробасил он, – Мурман, вы с Романом и этим паразитом должны закончить покраску кузова сегодня. Маша сказала.

«Прекрасно, – мысленно застонал Джек, – ещё и Роман... они все против меня. Изверги. Не, натуральные звери. Чудища».

– Хорошо, – покорно сказал Мурман, – раз сегодня, так сегодня. Втроём мы попробуем управиться. А ты не присоединишься?

Федот радостно помотал головой:

– Не, я охранник. Охранять буду. А вы работайте.

– А скажи, Любознайкина нашли? – вмешался Роман.

«Нашли», – подумал Джек.

Федот покачал головой.

– Вот напасть! – вознегодовал Роман. – Этот прохиндей тоже заслуживает наказания!

«Эх, мои мысли никогда не оказываются правдой. Надо совсем перестать думать. От мыслей всё равно одна горечь».

Трамвайный кузов был велик.

– Мурман, мне кажется, мы его сегодня не окрасим, – сказал Роман. – Большой очень.

– Конечно, – подал голос Федя, – не окрасите. Спорим?

– Спорим, – мгновенно изменил точку зрения Роман, – на мешок сухарей.

Трио принялось за работу. Руководил Мурман. Роман выполнял большую часть работы, а Джек предпочитал отстаиваться в сторонке. Через некоторое время старик заметил это:

– Опа! А чего это, позвольте поинтересоваться, наш принуждённый стоит и ничего не делает? Джек, поди сюда, работать.

– Да что ты его зовёшь, – презрительно бросил Роман, который и до Машиной речи относился к Джеку не лучшим образом, – тот, кто всю жизнь был лентяем, трудоголиком враз не делается!

Джек почувствовал, что у него в жилах закипает кровь. Он резко подбежал к кузову и стал с остервенением водить по нему кистью:

– Не сделается? Не сделается? Ух, покажу я тебе лентя, садовник несчастный! Ух, ты у меня попляшешь!

– Дать бы тебе по шее, – не сдержался «садовник несчастный», но его удержал «старый хрыч»:

– Остынь.

И обратился к Джеку:

– Милый Джек! Не составит ли тебе труда сдвинуться немного влево? Там ещё не покрашено.

Джек так оторопел от слова «милый», что сразу остыл и сдвинулся левее. Мурман удовлетворённо погладил бороду. Через пару часов недовольный Федя предоставил в распоряжение Романа целый мешок сухарей.

– Ну что? – тихонько спросил Роман у Мурмана. – Угощать Джека?

Старик пристально посмотрел на него:

– Мы работали все вместе. Но выигрыш твой, поступай с ним, как знаешь.

Роман, казалось, колебался. Но только пару секунд:

– Нет! Он ещё не заслужил награду.

Запись шестая

Шли дни. Работа троицы над трамваем продолжалась. После первого дня вспышек ярости больше у Джека не было. Но он всё ещё держался угрюмо, по возможности подальше от Романа и Мурмана. «Садовник» больше не видел в нём врага, и если бы не неприязнь к нему самого Джека, то они бы подружились. Мурман же почему-то с каждым днём становился грустнее. В его сморщенном лице можно было прочесть тайную печаль, которой он ни с кем не делился. К счастью, это никак не отразилось на его способностях к руководству.

День, в который произошло ключевое событие, начался, как обычно.

– Джек, – сказал Мурман, – сегодня я буду учить тебя работать электропилой. Мы, – он кивнул на доски, – будем распиливать материал для отделки. Подойди сюда, я покажу.

Джек не тронулся с места.

– Джек, – позвал надзиратель, думая, что принуждённый не расслышал.

Ноль ответа. Старик нахмурил брови.

– Джек, – немного более сердито, чем обычно, сказал Мурман, – ты снова за старое?

– Не за старое, – медленно ответил Джек, – просто мне сегодня снился сон. В нём всё снова было, как раньше...

– Как раньше, не будет никогда, – с лёгкой усмешкой отметил старик.

– Знаю! – со внезапным раздражением ответил принуждённый.

– Так чего же выпендриваешься?

– Чего выпендриваюсь? Может быть, потому что меня задрал ты, твои дружки и весь этот проклятый город! Не учите меня жить! Я сам всё знаю!

Джек вскочил. Он кинулся к электропиле и схватил её, готовясь нажать на кнопку. Роман возился в стороне с арматурой. Федя слинял куда-то. Единственным, кто видел ошибку Джека, был Мурман. Он метнулся, словно бойцовский тигр, и вырвал пилу из рук у подмастерья. Поначалу Джек аж опешил. А потом зло произнёс:

– Зачем ты сделал это, старик?

– Ты держал пилу неправильно. Мог нанести себе серьёзное увечье, может, даже смертельное.

– Ах, смертельное? – рассвирепел Джек. – Смертельное? Тогда зачем ты спас меня, ископаемое? Моя жизнь – жуткий кошмар! Я вынужден влачить жалкое существование! И тут сама судьба посылает мне ситуацию, способную прекратить всё это! И спасаешь меня ты! Тот, кого я ненавидел чуть меньше, чем наглуую писклю, отобравшую у меня Трон Дураков, но тот, кого после этого проступка я-то уж точно ненавижу больше всех! А раз так, – продолжал бывший профстрадалец, с лицом, полным бескрайнего бешенства, – то я спрашиваю тебя ещё раз! Зачем. Ты. Меня. Спас?

На минуту воцарилось молчание.

– Отвечай! – заорал Джек так, что все вороны на иве неподалёку взлетели, испуганно каркая.

На протяжении всей тирады ослеплённый бешенством Джек не замечал, как бледнеет лицо Мурмана. Теперь его глаза закрылись, и старик упал наземь. Джек в шоке отпрянул. К руководителю уже бежали Федя и Роман.

Запись седьмая

- Убийца!
- Он что, правда убил Мурмана?
- Вот гад!

Именно так судачило о Джеке большинство жителей города У. Маше пришлось даже выступить с заявлением, что Мурман вовсе не мёртв, но с инфарктом, а в настоящее время находится под присмотром недавно вернувшегося доктора. Если бы не это заявление, то Джека бы растерзали. Правда, его и так растерзали, только морально. А ещё возненавидевшие страдальца граждане вытребовали сослать мерзавца в колонию.

Сейчас Джек крался по подворотне, которая должна была привести его к мэрии. Настроение у него было совершенно подавленное. Кто же мог знать, что у старого дворника проблемы с сердцем и ему нельзя волноваться? Предупреждать о таких вещах надо! А теперь Джека ненавидят все в городе. Роман вообще чуть не убил тогда на месте. А ещё Джеку не нравилась мысль, что вымалывать спасение ему придётся у той, кого он сам ненавидел больше всего на свете.

Джек со страхом подумал о колонии. Там ведь будет холодно, голодно... повсюду одни бандиты и мошенники!

«А мне кажется, там тебе самое место, – зазвучал в голове чей-то язвительный голос, – сам подумай. Разве ты не бандит? Бандит. Человека вон чуть не убил. Разве не мошенник? Мошенник. Целый город дурил столько лет. Так что не так?»

Джек потряс головой. Язвительный голос исчез. Позади раздавались гулкие шаги Федота, идущего с ружьём наперевес. Показалась мэрия.

- Войдём с чёрного хода, – сказал Федот.

Джек покорно повёл плечами. Да, с парадного-то точно нельзя. Забросают палками. Они вошли в мэрию. К счастью, их никто не заметил. Подошли к кабинету, который был выделен Маше. Остановились перед дверью.

- «Давай, – сказал Джек самому себе, – открывай. А не то будет хуже».

Он толкнул дверь. Его взору открылась светлая, просторная комната. Она отличалась от его чердака настолько же сильно, как и кот бездомный от кота породистого. То есть вроде – и то комната, и это. Но разница...

За столом сидела Маша. Она подняла свой взгляд на Джека, и тот поразился. Её лицо выглядело так, как будто она долго над чем-то плакала. Неужели над Мурманом? Бред какой-то.

- Присаживайся, – ровным голосом сказала девушка.

Джек неуверенно опустился на мягкое сиденье. Пока он шёл в мэрию, в голове был чёткий план, что говорить. Сейчас – весь план улетучился.

- Я не хочу в колонию! – выпалил Джек.

Маша усмехнулась:

– Я не удивлена. Как будто кто-то на твоём месте хотел бы. Но боюсь, что я не могу ничего сделать. На меня давит общественность.

– Общественность? Подумаешь! – слова неслись из Джека сами собой. – Ты же народная героиня! Они молятся на тебя. Стоит тебе что-то сказать, и горожане выполняют это!

- Допустим. Но почему я должна хотеть тебе помочь?

- Ну... – замялся Джек, – я ведь могу принести пользу... вон, трамвай строить помогал!

И улицы мести могу!

- Пока что вреда от тебя больше, чем пользы.

– Неужели? – картинно поразился Джек. – А ты вспомни, благодаря кому ты заняла здесь кресло?

– То есть ты серьёзно полагаешь, что я помогу тебе, потому что ты невольно помог мне? Помог тем, что вредил всему городу годами?

– Вредил? – фыркнул Джек. – Прямо таки-уж и вредил. Ну ладно. А как же... ну... та штука... Федь, ты называл!

– Гуманизм? – отозвался Федя с соседнего стула.

– Да!

– Гуманизм? – удивилась Маша. – Об этом говорит человек, чуть было не доведший другого человека до инфаркта?

– Сдался тебе этот Мурман! – разозлился Джек. – Он тебе что, муж, брат или отец?

Маша взглянула ему прямо в глаза.

– Он мой дед, – тихо сказала она.

Запись восьмая

«Он мой дед».

«Она сказала, что он её дед».

«Почему больше никому не рассказала?»

«Почему сказала нам с Федей молчать?»

«Почему я думаю об этом, а не о том, что меня отправят в колонию?»

Джек старательно потряс головой. Большинство мыслей улетело в глубины подсознания. Действительно, какое ему дело, кто чей дед, тётя и троюродная дочь. В колонии уже будет всё равно. Джек зашагал по подворотне. Он был один. Федот заявил, что его очень взволновало услышанное и ретировался. Бежать всё равно смысла не было. Только если где-то прятаться. А толку? Найдут.

Джек задумался. А если разболтать всему городу Машин секрет? Не, не вариант. Жители просто ему не поверят. А как спастись? Маша сказала, что в колонию его отправят через неделю. Неделя – это целая вечность. Когда не знаешь, что делать. А когда знаешь – мгновение.

У Джека в мозгу продолжала зудеть одна назойливая идея. Но она ему не нравилась. Некоторое время он пытался засунуть в глубины подсознания и её, но она сопротивлялась. После краткого поединка с идеей Джек сдался:

«Давай, выкладывай, – мысленно сказал он идее, – чего ты от меня хочешь?»

Идея с готовностью взяла слово:

«Я хочу довольно многого. Во-первых, гору золота и личный самолёт».

«Чего?» – оторопел Джек.

«Ах да. Я и забыла, что ты лишь бедный мошенник. Тогда, для начала, походи к Мурману».

Джек снова задумался. Выбор был удивительный: во всех трёх вариантах он умирал. К горожанам пойдёшь – от палок умрёшь. К Мурману пойдёшь – от стыда сгинешь. Никуда не пойдёшь – пошлют в колонию, и сказочке тоже конец. Видимо, придётся идти к дворнику. В конце концов, Джек нечаянно. Он был на нервах. Ещё бы – чуть сам себя не зарезал. Решено. Джек уже занёс ногу... и резко её поставил. От чего он там умрёт, если к Мурману пойдёт? От стыда?

«Стыд – одно из проявлений совести», – сообщил язвительный голосок.

«Чушь, – подумал Джек, – моя совесть застрелилась, перед этим выпив кислоты. Ты что-то путаешь».

Отгнав от себя все идеи и голоса, Джек решительно зашагал к дому доктора. По счастливой для Джека случайности доктор Леечкин тоже жил на окраине, только на противоположной. Когда Джек подходил к нему, было уже достаточно поздно. Зажглись фонари.

«И снова я иду туда, где ждут стыд, горечь и беда, – подумал Джек стихами, – ну да ладно. Давайте стучаться. На самом деле ничего ужасного не происходит. Ещё одна проклятая дверь, только и всего».

Джек постучался. Открыли практически сразу. На пороге стоял доктор Леечкин.

– А, наш инвалид, – усмехнулся он, – на обследование явился?

– Нет, – сглотнул Джек, – к Мурману.

Это заявление почему-то развеселило медика:

– Он был прав! Да ладно. Заходи, недопреступник. Больной уже пришёл в себя и ожидает тебя. В соседней комнате.

Не веря своим ушам, Джек растерянно зашёл, вытер ноги и вошёл в соседнюю комнату. В городе Y не было больницы. Как и нужды в ней. Редких серьёзных больных Леечкин размещал прямо у себя в доме. Первым, что бросилось в глаза Джеку, была большая кровать –

кровать, а не больничная койка – а на ней полулежал Мурман. Джек ожидал увидеть узлы проводов, тянущихся к аппаратам жизнеобеспечения. Но ничего этого не было.

– Пришёл? – обрадовался Мурман.

«То есть как это? – растерянно подумал Джек. – Никакого неловкого молчания, смущения...»

– Пришёл, – ответил сам себе мастер на все руки. – Что это за неловкое молчание? Ты думаешь, что я буду тебя ругать?

– Да, – честно ответил Джек.

– Буду, – согласился Мурман, – но потом. А сейчас ответь: зачем ты здесь?

– Чтобы меня не отправили в колонию, – снова честно ответил Джек.

– Хорошо. Честность – путь к избавлению. И ты что, будешь за мной ухаживать?

– Буду, – кивнул Джек.

– Ещё лучше. Леечкин прекрасный специалист, но, между нами, – Мурман перешёл на шёпот, – ему не хватает медсестры. Ладно, – сказал он уже нормальным тоном, – ты тоже не особо-то умелый. Оказывать полноценную поддержку будешь завтра, а пока – почитай мне книгу.

Джек покорился. Он взял со стола книгу, раскрыл её на месте закладки, и начал читать. Старик слушал, закатив глаза от удовольствия. Когда Джек собрался уходить, то спросил:

– Почему вы не прогнали меня?

– А толку? – спросил Мурман. – Ошибки надо исправлять, а не бежать от них. С годами поймёшь.

Запись девятая

– А вы правда дед Маши?

«Даже если мой вопрос и бестактен, – продумал Джек, – то хотя бы обязателен».

Мурман оторвался от газеты. Ему уже стало намного лучше. И Джеку хотелось льстить себе мыслью, что это – благодаря его неусыпным заботам.

Вначале было тяжело. Джек по натуре не привык ухаживать за кем-то. Он привык, когда кто-то ухаживает за ним. Однако принципы заботы в голове страдальца отпечатались. Он старался обеспечить Мурману всё, в чём на его месте нуждался бы сам: ходил за продуктами, помогал Леечкину по врачебным делам, читал старику книги и рассказывал новости. Вы удивитесь, но горожане не делали этого. На самом деле, большинству не было дела до дворника. Кто-то был занят, кому-то просто было лень. Роман и Федя были заняты на постройки трамвая, которого ожидали чуть ли не все, а Маша...

Взгляд старика сделался тёмным и грустным:

– А ты точно хочешь, чтобы я тебе рассказал? – спросил он. – Или так вопрошаешь, из пустого любопытства?

Джек открыл рот для ответа, но дворник остановил его поднятием руки:

– Не отвечай. Так и быть, я расскажу...

Джек кивнул и уселся на стул, сложив руки на коленях. Мурман начал:

– Не хотел бы я, чтобы дело это получило широкую огласку... ты могила?

– Могила! – с готовностью отозвался Джек.

– Неправильный ответ, – покачал головой Мурман, – какая ты могила? Так вот, лучше никому не рассказывай то, что сейчас поведаю тебе я. Маша действительно моя внучка. Но я уже не уверен, что рад этому факту...

Некоторое время старик молча раскачивался, закрыв глаза, а затем продолжил:

– Маша – дочь моей младшей дочери. Её семья давно уехала из города У, ещё когда я был моложе, чем сейчас, а сама Маша была как будто пятнадцать лет назад.

– Когда? – озадачился Джек. Мурман строго посмотрел на него:

– Не перебивай. Так вот, всё это время я не получал от них писем. Да и не до того тогда было, время суровое, кризис... наш город так и не выбрался из него, между нами говоря... так вот, когда Маша приехала пару недель назад, я был на седьмом небе от счастья. Однако она пробыла у меня совсем недолго, – старик говорил медленно, – её весь вечер и следующий день где-то носило. А потом – эта речь!

Мастер поморщился. Джек удивился:

– Но разве вы не были горды за внучку?

– Был. Ещё бы: она ведь вывела на чистую воду такого мошенника, как ты!

– Спасибо, – хмыкнул Джек.

– Не обижайся. Весь город говорил о ней. Её славили, как героиню, даже не так, как богиню!

– И что? – спросил Джек. – Она отказалась признавать с вами родство?

– Нет! – возмутился Мурман. – Как ты мог такое о ней подумать? Моя девочка бы никогда не сделала этого! Это я сказал ей никому не говорить.

– Но почему?

– Почему, почему, – разворчался Мурман, – мы люди простые! Нам славы не надо. К тому же незаслуженной! Ты пойми, – старик заговорил быстро и слегка приглушённо, – я ведь ничего не сделал для её воспитания! Её семья уехала из города, когда она была совсем маленькой! Меня ли надо чествовать за родство? Опять же, все эти кривотолки, слухи. А если бы план Маши пошёл не туда? Досталось бы мне!

– Глупости какие-то, – пожал плечами Джек. По его мнению, чем больше славы, тем лучше.

– Она сказала так же! Но я был неумолим. А между делом у неё появлялось всё больше сподвижников и новых дел. Я поначалу радовался, но с каждым днём она виделась со мной всё меньше и меньше. Я не понимал, что так и должно быть. Мне казалось, что мне уделяют мало внимания... Незадолго до инцидента с тобой мы серьёзно поссорились. Я наговорил много лишнего – прямо как ты на стройке. Что стар, что млад. И теперь она занимается своими делами, а я вот здесь прохлаждаюсь, – закончил своё повествование дед Маши.

«Наверное, мы должны посидеть в молчании, – подумал Джек, – но зачем? Ничего особенно трагического в этой истории не вижу».

– А почему бы вам просто не помириться с ней? – спросил он.

Мурман покачал головой:

– Нет, нельзя. Она была так добра ко мне – несмотря на то, что ничем не обязана – а я просто прогнал её. Не уверен, что после такого смогу смотреть ей в глаза.

«Аргументы кончились», – решил Джек.

А Мурман внезапно сказал, взмахнув рукой:

– Ладно, хватит печалиться. У тебя ещё вся жизнь впереди, если не пошлю в колонию, нечего тебе расстраиваться. Лучше дальше почитай. Что там у нас? Три мстителя идут за возмездием?

Внезапно дверь комнаты отворилась. На пороге показались трое – впереди Маша, за ней Рома и Федот. На лицах Маши и Романа читалась молчаливая решительность, Федот же смотрел на Джека как будто с сожалением.

«Вот они, три мстителя», – ужаснулся Джек. Ему захотелось убежать.

– Джек, мошенник и бандит, – начала говорить Маша, старательно не глядя на Мурмана, – время, отпущенное тебе судьбой, на исходе. Тюремный фургон проездом в нашем городе. Он забирает тебя с собой.

«Приехали, – мысленно заныл Джек, – колония. Всё напрасно. Идеи – зло».

– Я иду, – упадническим тоном сообщил осуждённый.

Плечи Джека поникли. Он весь сморщился под дулом ружья Феде.

– Стой! – раздался вдруг голос Мурмана. Старик встал:

– Вы не имеете права его куда-то отправлять. Это абсурд! Без суда и следствия! Не ожидал, Маша, что ты уподобишься преступникам.

С минуту Маша выглядела сбитой с толку. А потом ответила:

– Не думала, что ты будешь защищать его. Но увы, на меня давит общественность. Так что Джек будет отправлен в колонию.

«Вот змеища».

– Пойдите, – упорствовал Мурман, – лично я могу сказать об этом человеке, что он личность, стремящаяся заглаживать свои ошибки. Чего я не могу сказать о некоторых.

Дворник говорил о себе, но Маша вспыхнула.

– Ну ладно, – сказала она, – всё равно нас трое против одного. Джека, естественно, не считаем...

– Нет, – возразил Федя, – нас двое.

Все в комнате, кроме Мурмана, удивлённо уставились на него.

– Шеф дело говорит, – пояснил охранник, – я за него.

У Джека забрезжила надежда, а взгляд Мурмана стал торжествующим:

– Что же, – сказал старик, поглаживая бороду, – как видишь, нас двое на двое. В таком спорном случае стоит спросить самого Джека. Итак, Джек, чего же ты хочешь?

Запись десятая

«Нет, всё-таки огромное счастье, что всё обошлось малой кровью, – думал Джек, поднимаясь на чердак, – кто же мог предположить, что Мурман за меня вступится!»

Настроение у неудачно осуждённого было отличное. Какая-то неделя исправительных работ – и он свободен, как птица! Теперь главное: не накосячить. Нужно спокойно закончить с трамваем, а потом – валить из города на все четыре стороны. Подальше от этой змеищи Маши и её прихвостней.

На утро Джека разбудил привычный стук в дверь. Однако на пороге стоял Роман, а не Федя. На немой вопрос Джека «садовник» ответил:

– Федя стал временно недееспособен.

– Ну, ладно, – согласился Джек, ожидавший чего-то подобного, – веди меня, к трамваю!

– Нет, – покачал головой Роман, – увы, но не к трамваю.

Его тон Джеку не понравился. «Что ещё выдумала эта змеища?» – подумал он.

– Ты направляешься на новое место работы, – продолжил Рома, – тебе придётся строить ораторскую трибуну возле депо. Одному.

«Как это? – поразился Джек. – Они что, хотят остаться без трибуны?»

– За неделю управисься. Если что, потом без тебя достроим. И ещё, – взгляд Романа стал насмешливым, – ты будешь строить её без охраны. Но не спеши радоваться. Мы просто прикуём тебя к столбу. Длинной цепью.

– Э! – возмутился профстрадалец. – Вы что, свихнулись там, на нервной почве? На секундочку, меня не отправили в колонию!

– Так сказала Маша, – развёл Роман руками.

Так Джек и оказался возле груды уже распиленных досок, с набором инструментов и длинной цепью, которая приковывала его ногу к столбу. Человек, который уже успел побыть профстрадальцем, заключённым, дворником, красильщиком, дровопиллом, психопатом, медбратом и подсудимым, стал теперь ещё и плотником. Жутко злым плотником.

«Спокойно, – говорил себе Джек, – это лишь финальное испытание. По крайней мере, я не в колонии. Здесь у меня есть союзники. Например, Федя... и Мурман... их, правда, сейчас здесь нет, но это не повод для грусти».

И он только сильнее сжимал зубы и с видом профи принимался приколачивать доски к установленной опоре. Так Джек работал около часа, прежде чем присесть передохнуть. Внезапно несчастному показалось, что его глаза видят знакомую фигуру:

– Любознайкин!

Фигура обернулась и вальяжной походкой направилась к Джеку. Намётанным глазом зевака оценил длину цепи и остановился в недосягаемости для бывшего компаньона.

– Салют! – поздоровался тот, кого недавно искал чуть ли не весь город.

– Да, привет, – ответил Джек, – почему без охраны? Она бы тебе не помешала. А то ещё поймают – и как меня, на цепь.

– Не поймают, – небрежно ответил зевака, – куда им!

– Ну да, ну да, – съязвил Джек, – а вот ответь-ка мне, гад ползучий, какого лешего ты меня тогда бросил? Стоял на площади, мог заглянуть ко мне, предупредить.

Любознайкин насупился:

– Времени не хватало. Надо было срочно убежать.

– Может, сейчас освободишь? – предложил плотник.

– Не, цепь толста.

– А если я сейчас кого-нибудь позову? – кинул Джек недвусмысленный взгляд на депо.

– А тогда, – поднял камень с земли Любознайкин, – кое-кто швырнёт в тебя камень. Ты тоже можешь швырнуть, но согласишься, что я-то не прикован.

Джек негромко зарычал.

– Да, – произнёс Любознайкин, словно пробуя слово на вкус, – не прикован. А ты – прикован. Вот прикол! – он засмеялся. – А когда на свободе были, вот ты тогда крутой был, скажи? Прямо Пуп! Земли и Неба! Говорил: «Ты Любознайкин, туповат», «Делай, что я говорю», «Я профессионал»... а сейчас – сидишь на цепи, как собака... отпад, не так ли?

Зевака заржал и удалился, подшибая ногами камни. Джек на мгновение лишился дара мысленной речи.

«Гад», – подумал он, когда дар мысленной речи вернулся.

Наш оригинал мог бы наградить бывшего приятеля ещё множеством нелестных эпитетов, но ему не давала покоя идея. Та же Идея, что привела его к Мурману. Только сейчас у неё был какой-то чёрный окрас. И она Джеку нравилась.

Запись одиннадцатая

...Неделя, которая должна была предшествовать открытию трамвая, подошла к концу. Жители города высыпали к депо плотной толпой. Все были нарядно одеты, радовались и смеялись.

«Как вы все меня бесите, – злобно думал Джек, – ну, ничего. Испорчу я вам праздник».

Как Джек собирался устроить крушение трамвая, он толком не придумал. Прорвётся в кабину, незаметно даст водителю по башке, дёрнет за рычаг какой-нибудь. Трамвай врежется куда-нибудь, но жертв не будет. А будет только позор. Для Маши, Романа и всех этих ненавистных граждан. Но это будет потом. А сейчас – праздник жизни. И если Джек в нём участвует, то он тоже должен быть живым.

Маша взошла на ораторскую трибуну, сколоченную Джеком. Публика взорвалась восторженными возгласами и аплодисментами.

– Друзья! – начала Маша. – Жители города Y! Мы все вместе трудились над этим трамваем. Как говорится, «строили, строили и наконец построили!» Ура! Всем нам ура!

Толпа зааплодировала.

«Ну и что, – подумал Джек, – я тоже так могу».

– А сейчас, – продолжала Маша, – не будем тянуть! Мы торжественно проедем по городу в этой машине! Правда, рейс самый первый. Экспериментальный. Так что кроме машиниста, на борту будут только я, наш главный работник Роман и Джек!

Толпа взорвалась неодобрительными возгласами.

– Последнему право присутствия выдано сугубо в качестве награды за плодотворную работу на благо города! – попыталась успокоить толпу Маша.

«И ещё потому, что этого бы хотел мой дед, – подумала она про себя, – но об этом ни слова».

Трое поднялись в трамвай, который покати по улицам города Y. Водитель и Роман находились в кабине, Джек и Маша – в пассажирском салоне. Трамвай набирал скорость. Вскоре показался поворот, неподалёку от которого стоял большой и ветхий деревянный дом. Легенда рассказывала, что когда-то в нём жил старый скряга, магнат-монополист. Джек поднялся с сиденья. Да, справиться и Романом, и с водителем будет непросто. Но он попробует. Сейчас ему предстоит уничтожить то, над чем он сам и куча народа трудились месяц.

Но Джек не успел сделать ни шага. Внезапно трамвай резко ускорился, да так сильно, что бывший профстрадалец упал на дно салона. Поворот приближался.

«Что происходит? – в ужасе подумал Джек. – Это не я!»

В дверях салона показался Роман, бледный от страха, как сама смерть:

– Всё заклинило! – страшным голосом закричал он. – Берегись!

Он больше ничего не успел сказать. Раздался страшный скрежет, и трамвай вылетел с рельс, на полной скорости врезавшись в деревянный дом. Хлипкое строение не выдержало удара, потолок обвалился. Гигантская масса досок, железа и черепицы рухнула на трамвай, продавив цельнометаллическую конструкцию. Джек, то ли от шока, то ли ещё от чего, потерял сознание...

Запись двенадцатая

...Джек пришёл в себя. На самом деле он не знал, терял ли сознание или чернота перед глазами была плодом его воображения. Он находился в том, что ещё недавно можно было назвать салоном трамвая. Всё было завалено. Джек чихнул. Класс, ещё и пыль. Да, дом же старый.

– Джек! – услышал Джек Машин голос. – Джек, ты очнулся! Я слышала, как ты чихнул.

«Ура, – невесело подумал Джек, – я в потерпевшем крушение трамвае, на который упал дом. Посреди пыли и наедине с этой змеищей. Отличный конец общественных работ».

– Джек!

Маша показалась откуда-то из конца трамвая. Вид у неё был трудноразличимый, потому что было темно.

– Ты жив! – обрадованно воскликнула она.

«Надо же, – поразился Джек, – радость по поводу моей жизни. Уж не в параллельную ли реальность я попал?»

Впрочем, радость в голосе Маши сразу же сменилась на мрачность:

– На самом деле, радоваться мало чему. Наша ситуация – наглядный пример, почему трамвайные линии нельзя строить за месяц. Мало того, что трамвай угробили, так ещё и памятник монополистам снесли. Да, и не факт, что в живых останемся.

– А что... нас не вытащат? – испуганно спросил Джек. – У тебя же куча рабочих! Они откопают нас!

Маша вздохнула.

– Если бы всё было так просто, – горько сказала она, – мы под завалом. Если начать разгребать, то всё может окончательно обрушиться – и тогда нам крышка. Тут надо действовать деликатно. На это уйдёт куча времени.

– И что, другого спасения нет?

Слова прозвучали как-то глупо. Но Маша не спешила с ответом.

– Вообще-то, есть.

Она указала на небольшой просвет в проломанной крыше трамвая:

– Туда можно подняться по доскам. Но а) вес двоих они не выдержат, б) после того, как пройдёт один, вся груда с большой долей вероятности разрушится.

– А ты точно знаешь эти две вещи? – с недоверием спросил Джек.

– Давай проверим! – раздражённо ответила Маша.

Повисло молчание.

– А может, тогда вообще не будем никуда уходить? – предложил Джек. – А то ещё всё рухнет.

– Вариант, – признала Маша, – но рухнет всё, походу, и так. Лично я готова рискнуть и попробовать пролезть.

– Я тоже! – всполошился Джек. Конечно, ему никак не хотелось оставаться здесь одному.

– Отлично. Тогда остаётся решить вопрос: кто из нас двоих покинет этот трамвай?

Наверное, в каждом классическом произведении есть момент Выбора. Герой должен соотнести всё, взвесить «Да», «Нет» и «Не знаю», чтобы сделать свой Выбор. Выбор, который он сделает, повлияет как на восприятие всей книги, так и на героя лично. Персонаж должен тщательно подумать.

– А... – протянул Джек, – ну, наверное...

В его голове тотчас образовались те самые весы. На одной стороне было то, что Маша змеища. Это Джек признавал, как аксиому, если бы знал, что такое аксиома. Маша разобла-

чила его перед народом. Маша хотела отправить его в колонию. Маша посадила его на цепь и заставила работать.

«Ну всё, – подумал Джек, – сейчас я скажу, что хочу выбраться. В конце концов, не могу же я позволить сделать это ей?»

– Хочешь вылезти?

Джек аж язык прикусил от удивления. Маша... нет, змеища предлагает ему выбраться? Нет. Здесь явно какой-то подвох. От него, Джека хотят избавиться! Он раскусил её. Но не подаст виду. Надо потянуть время.

– И почему же ты предлагаешь мне? – слегка дрожащим голосом спросил Джек. – В смысле, я же бандит, мошенник. А ты символ для жителей города. Твоя жизнь гораздо ценнее моей.

«Ой, что я делаю? – испугался Джек. – Я же ей прямо в лоб предоставляю аргументы! Хотя думаю, что она и сама их знает».

– Я предлагаю тебе, – ответила Маша, – потому что... в общем, потому что я верю, что ты изменился к лучшему. Даже если сам ещё этого не замечаешь. Всё-таки ведь не напрасно за тебя вступился мой, – её голос дрогнул, – дедушка.

– Но ты посадила меня на цепь.

– Да. Я этого и не отрицаю, – вздохнула девушка, – вначале я думала, что считала, что это из-за того, что ты ухаживал за моим дедом... ну, как бы неискренне. Чтобы не попасть в колонию.

«Факт», – подумал Джек.

– Но потом я поняла, – продолжила «змеища», – что тогда дед бы точно понял это. И не стал бы за тебя вступаться.

«Тоже факт», – признал плотник.

– Я начала размышлять. В результате я осознала. Всё это было из-за того... из-за того, что за дедушкой ухаживал ты, а не я.

«Вот это поворот, – восхитился Джек, – сколько самокопания!»

– Да. Я виновата. Не потому, что уделяла деду мало внимания. Всё-таки мэрия, дела. А потому, что я не загладила свою вину. У нас была ссора... дурацкая, в общем-то. Мы оба тогда наговорили лишнего. И, – она продолжала, будто с усилием для самой себя, – я не пришла к дедушке мириться после ссоры. Я предпочла спрятаться от своей вины. Закрыть её работой. Это была ошибка.

Она спрятала лицо в ладонях. Джек понял, что тронут.

– Ошибки надо исправлять, а не бежать от них, – процитировал он, – это, кстати, твой дед сказал.

Маша подняла голову. Лица её не было видно.

– А... что он ещё говорил?

– Сказал, что с возрастом поймёшь. И ещё: что не может смотреть тебе в глаза. И есть ещё кое-что. Он не говорил, но думаю... что он любит тебя.

«Ого, – подумал Джек, – это в мои планы не входило».

Весы в его голове дрогнули.

– Спасибо за добрые слова, – произнесла Маша другим голосом, – но думаю, что я не самая лучшая внучка. В любом случае, ничья жизнь по умолчанию не ценнее другой. А символ... а символ останется в любом случае. Иди.

«Ура! – возликовал Джек. – Иду!»

Но почему-то идти не хотелось. Незаметно для самого профстрадальца весы в его голове склонились на сторону «остаться».

– Знаешь что? – небрежно сказал Джек. – Я, конечно, могу поиграть с тобой в игру «Кто из нас больше виноват», но не думаю, что у нас есть на это время. Ограничусь тем, что я бандит

и мошенник. А ты вполне себе нормальная внучка. Лучше, чем многие. Я, например. Так что вали отсюда!

Снова пауза. Много их тут развелось.

– Хорошо, – с заметным облегчением ответила Маша.

Она подошла к груде досок и начала осторожно карабкаться по ней. Но на середине она остановилась:

– Джек, а довольно любопытно всё получилось. Даже странно как-то. Когда я приехала в город, тут у вас цирк был, а не жизнь. Подумать только, профессиональный страдалец, – она усмехнулась, – и тринадцать человек тебя лечат! А сейчас – другое дело. Правда?

– Да, – согласился Джек. Он раньше не думал об этом.

Маша продолжила карабкаться и остановилась уже у самой щели:

– Джек, спасибо, – сказала она «третьим» тоном и исчезла в щели.

•

Эпилог. Можно не читать, если хотите, чтобы история закончилась выше

Джек, преодолевая лёгкую слабость, выбрался из трамвая. Толпа перед разрушенным домом взорвалась аплодисментами. Никто уже не помнил, герой ли он или злодей, важно было, что свой. Всё гудело и шумело. Джеку показалось, что он видел в толпе большую голову Феди и доктора Леечкина. После первой волны бурной радости все начали праздновать. Просто, чтобы снять стресс. Произносили тосты за трамвай, за снос дома монополиста и даже за такие элементарные вещи, как небо и дождь.

Джек отошёл в сторонку. К нему протиснулся Роман. Он был весь в синяках и ссадинах.

– Предлагаю забыть все наши прошлые разногласия, – протянул руку «садовник», – и стать друзьями.

Джек с радостью пожал ладонь.

– А где Маша? – спросил он.

– Маша? Там, где и должна быть.

– Я рад. Значит, всё к лучшему, – философски произнёс Джек. А мысленно пообещал: «Никогда не возьмусь за старое. Ни-ког-да».

И, смотря через года, я могу сказать, что Джек выполнил обещание.

Настя Дорожкина Последняя одиссея

Из открытого настежь окна дул свежий ветер, слегка разгоняя запах табачного дыма в комнате. Капитан, он же хозяин дома, задумчиво сидел и курил, грустно разглядывая какие-то листы, написанные размашистым, но аккуратным почерком. Вдруг дверь с грохотом распахнулась. Пулей залетевшая в комнату девочка взволнованно прокричала: «Там труп!!! Труп! Там, – она сбилась от волнения и бега, – на берегу!!! Труп!!! Пойдем!!!» Хозяин дома вскочил, и сказав дочери: «Показывай!», первым выбежал за дверь.

Капитан огляделся. Где-то неподалеку кричала чайка, изучавшая горы мусора на песке, намытые вчерашним штормом. То там, то здесь на берегу валялись ошметки тёмных, бурых водорослей, какие-то палки, щепки, ракушки, осколки от зеленых бутылок, кое-где была даже ели живая мелкая рыбешка, похоже, её и высматривала чайка. Море успокоилось, и теперь лишь изредка набегали мягкие, шуршащие волны, накрывали берег слегка грязноватой, белой пеной и убегали вновь. О вчерашнем грохоте напоминали только горы мусора, прохладный ветер и серое небо. «Вчера сильно штормило. Может, он потерпел кораблекрушение? Тогда нужно поискать в море, может, кто жив остался...», – капитан снова оглянулся.

Его дочь, Ириска, как ошалелая бегала по пляжу, пытаясь вспомнить, где именно видела труп. Вдруг она закричала: «Нашла!!! Вот он!!!!» Не теряя ни секунды, морской волк подбежал к трупу. Это был мальчик. Он побледнел от долгого нахождения в воде, а его одежда и волосы покрылись толстой, соляной коркой. Капитан прикоснулся к запястью мальчика и уловил еле заметный пульс. Он посмотрел на дочь.

– Это не труп, Ириска.

– Да? – в её голосе читались радость и облегчение, – тогда мы должны отнести его домой!

Спустя два часа «труп» открыл глаза и заерзал на скрипучей раскладушке. Он громко чихнул, совсем по-живому. В коридоре послышались шаги. Вошла девочка.

– Ты очнулся? Я так рада! Я думала, ты умер! – протараторила она и поставила теплую кружку на тумбочку рядом с раскладушкой. – Я принесла тебе чай!

Вдруг вошел еще один человек, молча встал у косяка двери, закуривая.

– Спасибо, – осипшим голосом сказал «не труп».

Девочка покачала головой.

– Пей чай, он поможет.

– Что пить? – переспросил мальчик.

Девочка и мужчина удивленно посмотрели на «не трупа». Осмотревшись, мальчик понял, что речь идет о кружке, принесенной девочкой и отпил из нее. Кажется, и правда стало легче.

– Я, – продолжила девочка, – Ириска, а это мой отец, Макар. А ты кто?

– А я, – мальчик запнулся из-за кашля, – а я Богдан.

– Тебя нашли на берегу моря, не помнишь, что было до? – спросил капитан.

– Вот как... Значит, я всё же вышел, – сказал Богдан. – Я жил в небольшом городке под названием Урсула, недалеко от края...

– Недалеко от какого края? – переспросила Ириска.

– Недалеко от края пузыря, конечно! – сказал Богдан, явно недовольный тем, что его перебили. – Так вот, было довольно светло и водный свод над головой переливался...

– Над головой? – на этот раз мальчика перебил Макар.

– Ну да! – мальчик хотел было возмутиться, но выглянул в окно и понял, что никакого свода над головой и домом не было. – У вас какой-то странный верх, он очень светлый... – Лицо мальчика вздрогнуло, и он спросил. – Это и есть небо?

Капитан и Ириска переглянулись, а мальчик глубоко вздохнул.

– Мой город Урсула находится под водой.

Чуть раньше

В тот день было довольно светло, водный свод над Урсулой переливался. То синий, то зеленый, а то через него пробиваются треугольные лучи света. По грунтовой дорожке домой шли два мальчика. Оба были взбудоражены пред предстоящим событием, впрочем, как и остальные. Старик Морис, старожил городка, рассказывал о том, как видел открытие свода. О небе, о звездах. По правде сказать, он один из всех очевидцев в городке был до сих пор жив.

Старику нравилось, когда его слушали, а остальным нравилось его слушать. Дети любили пристроиться на ковре у Мориса или в ногах взрослых и слушать небывалые рассказы о том, что за тяжелым, водным сводом. Мальчики подняли головы, над ними плыла огромная медуза. До открытия свода оставалось 8 часов.

– Постой, так откуда ты?

– Я же только что всё рассказал! – возмутился пришелец.

– Это конечно так, Богдан, – озадаченно сказал моряк, – , но то, что ты пришел из города в пузыре под водой, звучит...

– Не звучит, – подсказала Ириска.

– А что не так? – мальчик обиженно посмотрел на них.

Моряк и девочка были в недоумении.

– Тогда вот!

С этими словами мальчик полез в свою мокрую, соленую от воды одежду, лежавшую на стуле, и достал оттуда небольшой тоже мокрый мешочек, положил на стол, развязал. Вдруг из этого мешочка на стол высыпалась целая горсть морских жемчужин.

– Где ты их взял? – поражено спросила Ириска. – Они ведь только на огромной глубине растут, а у тебя их целая куча!

– Я знаю места, где достаточно протянуть руку, чтобы достать их. Так вот, вчера открылся проход между вашим и моим домом.

– Ну и на сколько? – недоверчиво спросила Ириска.

– На месяц.

– И как часто это происходит? – в этот раз спросил моряк.

– Раз в сто лет.

– Тогда я подвезу тебя завтра.

Мальчик хотел что-то сказать, но его перебили.

– Но, папа! Это же полнейшая чушь! Неужели ты ему веришь? Да он головой ударился!

– Ириска, – капитан немного помолчал, – даже если так, то почему бы не поискать? Да и потом, – моряк снова выдержал паузу, – шторм такой силы бывает ровно два раза в сто лет.

Ночью мальчику не спалось. Он постоянно вертелся на своей скрипучей раскладушке и то смотрел в потолок, то в стену. Вдруг его взгляд уперся в окно. За ним сияли звезды. Он тихо встал и вышел на улицу. Море тихо накатывалось на берег небольшими волнами и отплывало назад, забирая с собой белую пену. Оно словно извинялось за вчерашний шторм. Неподалеку был пришвартован какой-то силуэт. «Наверное, это и есть корабль, – подумал мальчик. – Рядом с нашим домом лежал такой же с пробитым дном». Мальчик прошел по берегу к морю. Он подумал, что будет дома завтра, что мама и папа... Дальше думать не хотелось: «Нет! – твердо сказала мама. – Тебе нельзя.» А дальше шли тысячи вещей, которые нельзя делать: общаться с ребятами из заводского района, читать глупые книжки, возвращаться домой поздно, подходить к окну в своде... Она даже смотреть на него запрещала, а отец не мешал ей.

Но теперь он свободно вдыхал соленый ветер полной грудью, а море ласково шуршало у его ног. «Я не хочу назад, – подумал мальчик»

– Тысяча чертей, какого черта?! – кричал Макар. – Все быстро сюда!

Богдан и Ириска выбежали на улицу. Рыболовное судно было погружено в воду, так что лишь перископ с флагом одиноко торчал из воды.

– Марина, моя бедная Марина, я скормлю акулам того, кто сделал это!

Вдруг Ириска посмотрела на Богдана, то есть на его ноги.

– Пап, – девочка потянула отца за рукав. Он посмотрел вниз.

Песок около пирса был усеян следами, а Богдан стоял рядом с одним из них. Это точно были его следы.

– Зачем ты это сделал? – пораженно спросил капитан, мальчик молчал.

– Ты отправишься домой, как только я почию свой корабль. – Макар сказал это спокойно, но от этого становилось лишь страшнее. капитан был в ярости. – Ириска, я зайду старому Суслику. – и он ушел.

На пляже воцарилась тишина. Её прервала Ириска.

– Чем ты его так?

– Я нашел топорик внутри.

Опять воцарилась тишина.

– То есть спасательным топориком?

Девочка снова ненадолго замолчала.

– Суденышко конечно не новое, но крепкое. Пробить его – это надо постараться... Так заче... – договорить ей не дали.

– Не твоего ума дело! – выкрикнул покрасневший мальчик.

– Очень даже моего! Не забыл, чье судно потопил?! – она тоже перешла на крик.

– Просто не хотел домой! Как же ты раздражаешь! – прошипел мальчик.

– Чертов эгоист, только и умеешь все портить!

– От отца словечек понабралась?

– Кстати, насчет него, – злобно продолжила девочка, – жить хочешь – не попадайся ему на глаза.

И они пошли в противоположные стороны по пляжу.

Спустя четыре часа все сидели за одним столом, и, несмотря на предложение Ириски заморить Богдана голодом, еду пришельцу все же дали. За столом царил гнетущее молчание. Мальчик почти не поднимал взгляд, а Макар ругался, что почти весь табак был на корабле, что теперь придется доставать судно, отмывать и заделывать дыру. Ириска просто смотрела пустым взглядом и тыкала вилкой в стол. Богдан решил поднять взгляд и прервать тишину.

– Я помогу его починить, – тихо, но уверенно сказал мальчик и положил на стол мешочек с жемчужинами.

– Может, все-таки расскажешь зачем её пробил? – спросила подошедшая сзади Ириска. – Ты сказал, что не хочешь возвращаться.

– Так и есть. Мои родители – очень строгие люди, – начал неохотно рассказывать мальчик.

По Богдану было видно, что этот разговор очень неприятен для него, и всё же теперь он должен был рассказать.

– Помнишь, я говорил, что меня выкинуло? Это не так. Мне надоели надзоры, и я сбежал, пока все спали. Нет, мои родители хорошие, ты не подумай... Просто... Стоило мне что-то сделать, и появлялся новый запрет. Закрыли тему! Не хочу об этом говорить!

Ириска понимающе вздохнула.

– И что думаешь делать? – спросила она.

– Не знаю. Наверное, найду место, где можно что-то узнать об этом мире или даже пустить корни. А пока что устроюсь подмастерьем, или кем тут у вас можно?

– Можно и подмастерьем. Мир?

Ириска протянула к Богдану руку с оттопыренным мизинцем, видимо больше не злилась. Но мальчик только непонимающе смотрел на её руку.

– Так мирятся.

Но объяснение не помогло, Богдан просто продолжил недоверчиво смотреть на протянутую к нему ладонь.

– Ладно, не важно, – сказала девочка и опустила руку.

На следующий день Макар со словами: «Решил помогать? Тогда пошли» пошел с Богданом в город. Там Макар переговорил с парой знакомых, после чего кто-то указал на людей, которые могут установить блок и поднять несчастную лодочку. Даже несмотря на то, что правая сторона судна намертво припечаталась к илистому дну, лодку довольно быстро вытащили из воды, все-таки там было неглубоко. Настоящие проблемы были еще впереди.

Следующий день начался в восемь утра с откачивания воды из внутренних отсеков, выноса случайно и не очень случайно попавшего на лодку барахла и соскабливания прилипших за долгие годы моллюсков. Богдан был готов поклясться, что ни за что бы не стал даже подходить к этому кораблю, если бы знал, что придется так много отрабатывать.

– Кто бы мог подумать, что старый моряк решит привести судно в первоначальный вид, пока рядом есть виноватый человек с двумя лишними руками? – пробурчал мальчик вслух.

Сзади послышался девчачий смех. Ну конечно, это была Ириска.

– Да ладно, не ругайся, заслужил. Кстати, – Ириска улыбнулась, – пробоина не такая уж и большая.

– Тогда в следующий раз...

– Следующего раза не будет, – сердито сказала Ириска, и Богдан решил закрыть тему.

– А у вас есть что попить? – спросил мальчик.

– Да, пошли.

Спустя пять минут Ириска уже поставила чайник, а Богдан разглядывал какие-то рукописные листы на столе. Правее лежал пожелтевший конверт. Мальчик попытался разобрать размашистый почерк. Это не было очень тяжело: «Дорогой отец, живу я неплохо. У нас каждый день тепло, даже зимой. Сначала это немного раздражало, но теперь я привык к яркому солнцу...»

– Ты что там читаешь?! – Ириска была возмущена до глубины души.

– Да так, ничего...

– А ну отдай!

Девочка вырвала листки из руки Богдана и, аккуратно сложив в конверт, спрятала их в шкафу в соседней комнате.

Со временем Богдан начал привыкать к новому ритму. Утром он помогал Макару с починкой. То есть отскабливанием ракушек от борта, а потом обычно ходил куда-нибудь с Ириской. Время от времени Макар отправлял их за покупками. Он встречал много нового в городе, а Ириска любезно разъясняла, что он только что увидел. Но кое-что не давало мальчику покоя. Богдан часто думал о тех письмах на столе. Капитан часто читал их. Мальчик понимал, что это не его дело, и все же любопытство взяло верх.

Днем, когда все были заняты, Богдан на цыпочках пробрался к загадочному шкафу. Он медленно потянул ручку. Раздался скрип, открывающейся дверки шкафа. В самом дальнем углу лежала внушительная стопка из писем. Мальчик уже потянулся к ним, но вдруг услышал.

– Разве тебе не говорили, что трогать чужие вещи нехорошо?

Мальчик обернулся на голос.

– Вы?

В дверях, закуривая трубку, стоял капитан.

– Да, хотел отправить тебя с Ириской в город за новой сетью. Пробоину я сегодня заделал, так что осталось только покрасить, и можно в море.

– Понятно.

– Скажи, – вдруг неожиданно продолжил капитан, – твой месяц вроде истекает?

– Да, до закрытия осталось чуть больше недели.

– А ты бы, – Макар пристально посмотрел на мальчика, – не хотел вернуться домой? Просто подумай над этим.

– Хорошо.

– А ты знаешь, куда идти?

– Богдан, не смей меня, – снисходительно сказала Ириска, – я знаю все рыбацкие магазины в городке. Кстати, мы почти пришли.

И действительно, стоило ребятам пройти мимо трех аккуратных домиков и повернуть налево по мощенной дорожке, они увидели вывеску: «Новые сети от старого волка». Туда им и было нужно. Сопровождаемая мелодичным звонком, дверь отворилась. За кассой стоял пожилой человек, а на полках по всему магазинчику лежали, висели, валялись рыбацкие сети. Богдан слегка растерялся, а Ириска, с бывалым видом выбрала нужный товар и отдала продавцу, тот сунул сверток Богдану. Уже через три минуты вновь послышался колокольчик, и отоваренные ребята отправились домой.

Как вдруг из-за поворота выскочила большая, серая собака. Её язык был высунут, а хвост вилял. Бежала она как бешеная, большими прыжкам, то вправо, то влево, то опять вправо, и прямо в сторону Ириски! Несчастливая девочка так и застыла на месте. Она не привыкла к сюрпризам и словно одеревенела от страха. Опомнилась она, только когда Богдан, с сетью наперевес, вскочил перед ней и закричал на собаку. Пес заскулил и, обиженно поджав хвост, убежал за тот самый угол, из-за которого только что выбежал.

– Ты как? – Богдан был слегка взволнован.

– Папе ни слова, – пришла в себя девочка. – Он меня и так сюда одну не пускает, а узнает, и за порог дома не выйду!

– Как скажешь.

– Кстати, спасибо, – сказала Ириска и уперлась глазами за тот злосчастный угол.

– Обращайся, хочешь первым пойду?

– Чтобы ты заблудился? Нет уж, – улыбнулась девочка, и они пошли обратно.

– Знаешь? – сказал мальчик в воздух, когда Ириска уже отошла. – А я хочу здесь остаться...

И он побежал догонять провожатую.

– Дядя Макар!

– О, ты, Богдан? – моряк обернулся. – Решил?

– Да, наверное... Я все еще не очень хочу домой, – мальчик грустно улыбнулся.

– Понятно.

– Дядя Макар, а можно спросить, – неуверенно продолжал мальчик, – о тех письмах в шкафу?

Ответ последовал не сразу.

– Да, они от моего сына. Он уехал пять лет назад, давненько не писал уже... – Макар тяжело вздохнул, а мальчику стало жалко, что он спросил об этом.

– Как вы думаете, и по мне скучают?

Богдан так и не получил ответа.

– Ого, да она почти как новая!

Удивилась подошедшая к отцу Ириска. Богдан тоже стоял неподалеку. В руках он гордо держал кисточку, а его правые рука и щека были перемазаны краской. Ближе к берегу вверх

дном на непрочной на вид, но все же не собиравшейся падать системе балок лежала лодка. Следов от пробоины на судне видно не было, а дно было заново покрашено какой-то вонючей, похожей на смолу краской.

– Черт!

Ириска случайно наступила в ведро с остатками той самой краски.

По округе прокатился залиvistый смех. Больше ей ничего не осталось, кроме как быстрее бежать к морю по пляжу. Хорошо, что Ириска была босая. Но в долгу она не осталась. Богдан, неосмотрительно решивший умыться неподалеку, тут же оказался в воде. Но и он обиды не прощает. К вечеру на ребятах не осталось ни одной сухой нитки, но это никого не волновало.

Следующие несколько дней работы не было. Рыболовное судно было починено и больше не нуждалось в ремонте, но и краска сохла трое суток, так что и в море было пока нельзя. А потому Богдан заслуженно валял дурака с Ириской. Но вот прошли эти дни, судёнышко высохло, а до закрытия свода осталось два дня. «Как вы думаете, и по мне скучают?» – вертелось в голове мальчика. Несмотря на то, что он уже решил остаться, перед глазами постоянно всплывали лица: мамы, младшего брата, папы, деда, друзей и остальных, кого он оставил. «Они, наверное, думают, что я умер.» – сердце больно кольнуло.

– Дядя Макар!

– Да? – откликнулся капитан.

– Я должен вернуться до своих похорон! – решительно сказал Богдан.

То вверх, то вниз поднималось суденышко. Солёные брызги летели в лицо и неприятно щипали глаза. Волна, еще волна, перевал и снова зеленая волна. Как вдруг взору капитана и пассажира открылась зеленая долина, на ней были видны поля, люди, какие-то животные, деревья и река. Они могли видеть её через небольшое, круглое окно, похожее на вырез в потолке.

– Ого, теперь-то верю, – сказал капитан. – А как ты отсюда вышел, Богдан?

– Я поймал нужное течение.

– А теперь придется на веревке. Полежай в сеть! И будь добр, – уже более мягким тоном продолжил капитан, – следи за книгой, которую я тебе дал.

И Богдана на тросе опустили за борт, а там все ниже и ниже... Все ближе был родной дом, и все дальше успевшие стать родными люди. И все же он почему-то был рад.

Вместо эпилога

Отца дома не было, он снова ходил по округе в поисках сына. Но дома было еще два человека. Один был маленьким мальчиком. Он грустно сидел около окна, а второй был женщиной. Она сидела напротив и окидывала неубранную комнату бессмысленным взглядом. Вдруг малыш поднял взгляд от засохших цветов на подоконнике на грунтовую дорожку.

– Он вернулся, – прошептал мальчик. – Мама, он вернулся!

Малыш изо всех сил кричал, тряся маму за юбку. Уставшая женщина подняла пустой взгляд. На пороге стоял её пропавший сын.

– Ты его отвез? – спросила Ириска.

– Да.

– А жаль... – сказала она еле слышно. – Он правда из-под воды?

– Да, – Макар заметил подавленное настроение дочери. – Ириска, да не раскисай ты так! Я знаю, я тоже буду скучать. Хочешь, пойдем в город? Я обещаю купить тебе мороженное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.